

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО – ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Священник Георгий Ореханов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И Л. Н. ТОЛСТОЙ:
ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ
СОВРЕМЕННОКАМИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора церковной истории

МОСКВА, 2010

Диссертация выполнена на кафедре
истории Русской Православной Церкви Богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Научный консультант:

доктор исторических наук,
профессор Яковлев Александр Иванович

Официальные оппоненты:

доктор богословия,
протоиерей Владислав Свешников (ПСТГУ, Москва)

доктор исторических наук,
профессор Фирсов Сергей Львович (СПбГУ)

доктор филологических наук
Гулин Александр Вадимович (ИМЛИ, Москва)

Защита диссертации состоится **«10» мая 2010 г.** на заседании Ученого совета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета по адресу: 115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23б, конференц-зал.

Защита начнется в **15 ч. 00 мин.**

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ПСТГУ.

Автореферат разослан «08» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

магистр богословия
протоиерей Валентин Асмус

Актуальность проблемы исследования.

В современной исследовательской литературе о Л. Н. Толстом можно выделить две крайние точки зрения: либо религиозно - философское творчество Л. Н. Толстого признается христианским и даже православным по своему содержанию, и тогда возникает вопрос, почему же Церковь не признает его «своим», либо, наоборот, констатируется, что оно не несет в себе никакой религиозной основы, и тогда делается вывод, что для богословов и историков Церкви оно не представляет никакого интереса. Этот последний вывод очевидным образом противоречит факту колоссального влияния Л. Н. Толстого на своих современников именно в последние тридцать лет своей жизни.

Научная актуальность данного диссертационного исследования определяется тем обстоятельством, что конфликт между Л. Н. Толстым и Русской Православной Церковью воспринимался современниками в очень широком культурно – историческом контексте – это было своеобразное всероссийское «прение о вере», включавшее в себя и догматические, и нравственные, и даже бытовые аспекты. Именно Л. Н. Толстой фактически провозгласил рождение новой интеллектуальной и мировоззренческой реальности, которая впоследствии, уже в XX веке, в европейской философии трансформировалась в «веру открытых вопросов».

Как известно, в своих религиозных трактатах Л. Н. Толстой занял радикальную позицию, утверждая, что истины человеческого разума несовместимы с евангельской верой в церковной интерпретации. Вывод писателя ни в коем случае нельзя назвать случайным, ибо призыв к «рациональности», к демифологизации христианства был отражением определенных тенденций в европейской культуре и науке XIX века. Реально за этими тенденциями, как справедливо замечает Т. А. Касаткина, стояла очередная, самая энергичная в человеческой истории, с точки зрения научного оснащения, идейная «атака на Христа»¹. Евангельской вере была противопоставлена религиозность, основанная не на центральных, с точки зрения христианского благовестия, событиях – Боговоплощении и Воскресении Христа, а на личности «Христа исторического», «Христа – только человека».

С этой точки возвращение к религиозному творчеству Л. Н. Толстого, последовательного борца с Церковью, дает возможность плодотворного научного, богословского и исторического, осмысления проблемы «Христос и истина».

Любой исследователь, приступающий к анализу тех или иных аспектов конфликта Л. Н. Толстого с Русской Православной Церковью, обращает внимание на то, что при обилии опубликованных источников и наличии ряда специальных исследований, сам конфликт (его причины, особенности, восприятие современниками в России и Европе) с научной точки зрения полноценно изученным считаться не может. Это связано с тем очевидным обстоятельством, что до недавнего времени объективное освещение данной темы было невозможно по причинам идейного характера: люди, окружавшие Л.Н.Толстого и сыгравшие заметную роль в распространении его антицерковных и антигосударственных взглядов (в первую очередь В. Г. Чертков), находились вне объективной научной критики. Кроме того, важнейшие материалы, связанные с жизнью и деятельностью Л. Н. Толстого, до сих пор в значительной степени недоступны исследователям (это замечание относится в первую очередь к обширному архиву В. Г. Черткова, рассеянному по разным архивохранилищам, а также к архиву последнего секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова, ставшему доступным совсем недавно).

Но, помимо аналитического рассмотрения старых и новых источников, существует проблема идейного характера. Творчество Л. Н. Толстого представляло и продолжает представлять для церковной науки большой интерес. В XIX веке этот интерес определялся в первую очередь чисто апологетическими задачами – необходимостью защиты церковного учения от небывалого еще в истории выступления писателя практически против всех без исключения составляющих церковной жизни – вероучения, иерархии, богослужения, духовенства. В начале XX века религиозное творчество Л. Н. Толстого становится предметом анализа русских религиозных философов, а затем и их коллег – философов и богословов Европы. С этой точки зрения по – прежнему остается актуальной констатация профессора М. Тамке: Л. Н. Толстой продолжает быть для современников и

¹ Касаткина Т. А. Феномен «Ф. М. Достоевский и рубеж XIX – XX веков» // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 1. С. 144.

исследователей вызовом, который до сих пор адекватно не воспринят и не оценен научно во всей полноте². Не менее важен и актуален вывод, сделанный другим выдающимся западным исследователем – славистом Л. Мюллером: конфликт Л. Н. Толстого с Церковью не есть частный конфликт одного человека с конкретной религиозной институцией, это конфликт враждебной всякому институционализму мистической религиозности, несущей на себе стойкую печать европейского просвещенческого радикализма, и Церкви, сознательно противостоящей влиянию идей просвещения в своем учении и культе³.

Еще до революции 1917 г. русская общественная мысль осознала особый смысл исторической миссии писателя: «Толстой не создал ничего положительного ни в области теоретической мысли, ни в области морали. Но деятельность его и в той и другой области имела громадное, исключительное значение. Толстой неожиданно встал перед Европой во весь свой гигантский рост и властно спросил «одуревших» от успеха внешней культуры людей о том, что, казалось, они должны были знать прежде всего: зачем они живут?»⁴.

Таким образом, церковного исследователя сегодня должен интересовать в первую очередь Л. Н. Толстой как уникальный феномен русской истории, великое испытание русской церковной жизни, проявление своеобразного религиозного кризиса. Как в жизни России могло возникнуть такое явление, как ожесточенно-агрессивная критика Л. Н. Толстым церковной догматики, церковного понимания Евангелия и литургической жизни, критика, приведшая к появлению кощунственных глав романа Л. Н. Толстого «Воскресение», каким был процесс подготовки синодального определения 20-22 февраля 1901 г., почему русская интеллигенция после издания синодального акта в значительной степени поддержала именно Л. Н. Толстого, а не Церковь, причем поддержала активно и шумно - вот принципиальные вопросы, которые требуют своего разрешения.

Именно поэтому так важно сегодня снова вернуться к вопросу о восприятии идей писателя в России во второй половине XIX – начале XX в., о культурно – исторических корнях этого учения, роли В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого, наконец, о значении синодального акта 1901 г. и принципиальной возможности снять отлучение с писателя. С этой точки зрения актуальность данной диссертации, как представляется, связана с двумя дополнительными обстоятельствами. Во-первых, в последние двадцать лет диалог Церкви и общества вступил в активную стадию: Церковь возвращается в социальную и культурную жизнь России, интеллигенция, в свою очередь, проявляется интерес к церковному наследию. Именно поэтому важно обратить внимание культурного сообщества на конфликт с Церковью столь значимой личности, как Л. Н. Толстой.

Кроме того, Л. Н. Толстой проповедывал тот «тип» христианства, который был очень популярен в Европе в XIX веке и который, отвергая цельное, органически связанное мировоззрение и отрицая в нем необходимость метафизической составляющей, делает акцент на этических аспектах учения. Именно поэтому аргументы писателя требуют оценки именно сегодня, когда, в контексте разговора об «общечеловеческих ценностях» и толерантности, связь между этикой и метафизикой становится столь неосознаваемой, что христианство нового образца превращается в расплывчатое морализаторство, практически неотличимое от буддизма, конфуцианства и даже ислама.

Таким образом, основной **научной проблемой** данной диссертации являются особенности рецепции антицерковного учения и деятельности Л. Н. Толстого в России в конце XIX – начале XX века.

Объектом данного исследования является конфликт Л. Н. Толстого с Русской Православной Церковью.

Предметом диссертационного исследования являются культурно-исторические корни конфликта Л. Н. Толстого с Церковью и особенности восприятия этого конфликта как явления общественной и церковной жизни России.

² Tamcke M. Tolstoi Lev Nikolajevisch // Biographisch – Bibliographisches Kirchenlexikon. Band XII (1997). Sp. 307.

³ Müller L. Die Religion Tolstojs und sein Konflikt mit der Russischen Orthodoxen Kirche // In: Pinggera K. Russische Religionsphilosophie und Theologie um 1900. Marburg. 2005. S. 8.

⁴ Свенцицкий В. Положительное значение Льва Толстого (К восьмидесятилетию юбилею) // Толстой. Новый век. 2005. № 1. С. 21 - 22.

Хронологические рамки исследования: начало 1880-х годов (т.н. духовный кризис Л. Н. Толстого) – ноябрь 1910 г. (смерть писателя в Астапово).

Степень разработанности проблемы.

Для описания историографии работы выбран системно – хронологический подход. Он позволяет не только проследить историю осмысления конфликта Л. Н. Толстого с Церковью, но и сосредоточить внимание на ключевых аспектах этого конфликта.

а) Л. Н. Толстой и русская богословская наука. К указанной группе относятся исследования митр. Антония (Храповицкого)⁵, архиеп. Никанора (Бровковича)⁶, профессора КазДА А. Ф. Гусева, в первую очередь его итоговый трактат «О сущности религиозно – нравственного учения Л. Н. Толстого» (Казань, 1902), а также отдельные работы других авторов, нашедшие отражение в библиографии диссертации.

Работы рассматриваемой группы имеют одну принципиально важную для рамок данного исследования особенность - как правило, смысл и значение конфликта между Л. Н. Толстым и Православной Церковью (его причины, история, осмысление, особенности восприятия) интересовали авторов указанной группы в очень незначительной степени: обычно этот вопрос связывался с отходом «образованной части общества» от Православия и констатацией того обстоятельства, что Л. Н. Толстой является выразителем антирелигиозных или псевдорелигиозных чаяний русской интеллигенции.

б) Л. Н. Толстой и русская религиозная философия. Исследования, посвященные писателю, появились в рамках этого направления еще до революции, а затем аналитическая работа была продолжена большинством авторов в эмиграции.

Дискуссия о Л. Н. Толстом систематизирована в сборнике «Религия Толстого» (М., 1912). Кроме указанного сборника, в период с 1901 по 1917 г., а затем в эмиграции выходит ряд других работ, которые также можно отнести к выделенной группе. Большая часть этих работ вошла в сборники «Л.Н.Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология» (СПб., 2000) и «Русские мыслители о Льве Толстом. Сборник статей» (Ясная Поляна. 2002).

В этих трудах сформировался круг важнейших тем, получивших дальнейшую научную разработку. К таким темам, прежде всего, относятся проблемы кризиса духовности и церковности в России в синодальную эпоху, фактическим глашатаем которого, по мнению русских религиозных философов, выступил Л. Н. Толстой, и проблема антицерковного протеста русской интеллигенции, нашедшего очевидное выражение в массовой демонстративной поддержке писателя после опубликования синодального определения 1901 г.

Наконец, важно отметить, что именно в философской среде и в философской литературе получает разработку оппозиция «Л. Н. Толстой – Ф. М. Достоевский», религиозный смысл которой связан в первую очередь с проблемой соотношения веры и культуры в современном мире. В рамках этой темы рождается проблема внерелигиозной морали.

с) Историография русского зарубежья.

В этом разделе следует в первую очередь упомянуть работу архиеп. Иоанна (Шаховского) «К истории русской интеллигенции. (Революция Толстого)» (последнее издание: М., 2003). Книга архиеп. Иоанна (Шаховского) представляет собой важный этап в истории осмысления проблемы «Л. Н. Толстой и Церковь». В ней впервые была сформулирована важнейшая особенность религиозных трактатов писателя: «Религиозная неправда его оплетается вокруг его религиозной правды, как лиана вокруг дерева, и иссушает дерево. Правда христианская, как зеленый плющ, обвивается вокруг мертвого дерева толстовских идей и придает этому дереву цветущий вид»⁷.

⁵ В эмиграции труды митр. Антония были переизданы: Антоний (Храповицкий), митр. Нравственное учение Православной Церкви. Изложено при критическом разборе учений гр. Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, Римско – католической Церкви и Э. Ренана. Посмертное издание под редакцией и с предисловием архиепископа Никона (Рклицкого). Нью – Йорк. 1967.

⁶ Никанор (Бровкович), архиеп. Церковь и государство. Против гр. Л. Н. Толстого. СПб., 1888; Никанор (Бровкович), архиеп. Против гр. Льва Толстого 8 бесед. Одесса, 1891.

⁷ Иоанн (Шаховской), архиеп. К истории русской интеллигенции. (Революция Толстого). М., 2003. С. 209.

У работы архиеп. Иоанна (Шаховского) есть и еще одна несомненная заслуга: констатация, с точки зрения православной аскетической традиции, «печати болезненности» на всем духовном пути Л. Н. Толстого, которую сам писатель не замечал, принимая «духа – разлагателя» за «ангела светла», результатом чего стала подмена: на место честного совершенствования является самонадеянная и «слащаво – слезная любовная умиленность», сочетающаяся с мрачностью и злобой. Результатом этого пути стало, вопреки убежденности русской литературной критики, не «освобождение Толстого» (И. А. Бунин), а крах всей жизни и провал всей жизненной философии⁸.

Хотя авторы, писавшие за пределами России, часто не имели доступа к достоверным источникам и пользовались вторичной информацией, во многих их работах содержатся важные и точные наблюдения. В этой связи можно отметить еще несколько показательных сочинений, в которых разрабатываются отдельные аспекты темы «Церковь и Толстой»⁹.

d) Западная историография XX века.

В Западной Европе интерес к «позднему» Толстому наиболее определенно выражен среди исследователей, относящих себя к немецкоязычной протестантской традиции. Среди авторов, писавших о Толстом как о выдающемся моралисте – христианине, можно отметить такие значительные имена, как А. Швейцер, К. Хайм, Э. Блум, К. Холь, В. Нигг, К. Барт, М. Дерне. Если говорить более узко об изучении Толстого на богословских факультетах немецких и швейцарских университетов, следует указать в первую очередь на интересе к нему как интерпретатору Нагорной проповеди. Из трех диссертаций, написанных в XX веке на немецком языке представителями евангелической теологии, две были посвящены Толстому – экзегету¹⁰.

Кроме того, авторы указанной группы проявляли большой интерес к вопросу об отношении Л. Н. Толстого к протестантизму. В первую очередь здесь следует указать на обстоятельную работу Ф. – Х. Филиппа, а также отдельную главу в труде В. Нигга¹¹.

В католической среде интерес к религиозному творчеству Л. Н. Толстого выражен в гораздо меньшей степени. Тем не менее, в католической теологической науке в XX веке имеются два обширных и очень значимых исследования, посвященные анализу богословской терминологии Л. Н. Толстого и его принципам толкования Нагорной проповеди¹².

В научной литературе, появившейся после Второй мировой войны, отдельные принципиальные вопросы рецепции антицерковной деятельности Л. Н. Толстого затрагиваются в работах не столько историков Церкви и богословов, сколько славистов. Здесь в первую очередь следует упомянуть фундаментальную монографию одного из ведущих ныне толстоведов Запада Р. Ф. Густафсона, сравнительно недавно переведенную на русский язык, и некоторые другие работы¹³, а также одну из последних статей выдающего немецкого слависта Л. Мюллера, посвященную осмыслению синодального акта 20-22 февраля 1901 г.¹⁴

Очень значительным по своим возможным результатам является швейцарский проект, начатый группой ученых трех швейцарских университетов в 2004 г. Авторы проекта ставят перед собой

⁸ Там же. С. 24 – 25.

⁹ Репин В., Василий (Родзянко), еп. Вера и неверие Льва Толстого: Беседа писателя Вячеслава Репина с епископом Вашингтонским и Сан-Францискским Василием (Нодзянко) // Новый мир. М., 1998. № 7; Зайцев Б. К. Толстой // Воскресение: Историко – публицистический альманах. № 3: 170 лет со дня рождения Льва Толстого. Тула, 1998; Алданов М. О Толстом // Там же; Алданов М. Загадка Толстого // Алданов М. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999; Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. М., 1967; Зайцев К. И. Толстой, как явление религиозное // Русские мыслители о Льве Толстом. Сборник статей. Ясная Поляна. 2002.

¹⁰ Ackermann J. Tolstoj und das Neue Testament. Diss. theol., Univ. Leipzig. Leipzig. 1927; Gaede K. Das Schriftverständnis Lev Tolstois und Fragen seines gesellschaftlichen Bezuges. Diss. theol., Humboldt – Univ. Berlin 1974.

¹¹ Philipp F.-H. Tolstoj und der Protestantismus (= Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 2). Giessen. 1959; Nigg W. Das Buch der Ketzer. Frankfurt/Main. Wien. Zürich. 1962.

¹² Quiskamp R. Der Gottesbegriff bei Tolstoj. Diss. theol., Univ. Münster. Emsdetten. 1937; Machinek M. «Das Gesetz des Lebens?». Die Auslegung der Bergpredigt bei L. N. Tolstoj im Kontext seines ethisch-religiösen Systems, Habil. – Schr., Univ. Augsburg. St. Ottilien. 1998.

¹³ Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак: Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003.

¹⁴ Müller L. Die Religion Tolstoj und sein Konflikt mit der Russischen Orthodoxen Kirche // In: Pinggera K. Russische Religionsphilosophie und Theologie um 1900. Marburg. 2005.

следующую научную задачу: в преддверии столетия со дня смерти Л. Н. Толстого «дать достойную оценку Л. Н. Толстому не только как «гениальному художнику», но и оригинальному религиозному мыслителю, который придал ценные импульсы в первую очередь евангелической теологии, а также в целом европейской философии»¹⁵. Результаты проекта в двух объемных томах должны быть опубликованы осенью 2010 г. Таким образом, проект в первую очередь связан с богословским исследованием творчества Л. Н. Толстого, но отдельные исторические аспекты темы найдут отражение во втором томе.

е) Исследования по теме диссертации в России в период с конца 1980 г. по настоящее время.

Хотя отдельные вопросы, связанные с темой диссертации, затрагивались и в «доперестроечной» научной литературе, серьезную научную разработку намеченная в дореволюционную эпоху проблематика получила только в последние 20 лет. Это замечание в первую очередь относится к работам Г. Я. Галаган, А. В. Гулина, В. А. Котельникова¹⁶, которые посвящены в значительной степени генезису и эволюции религиозных взглядов Л. Н. Толстого и их отражению в его художественном и философском творчестве. В этих исследованиях констатируется не только очевидный факт глубокой мировоззренческой соотнесенности творчества писателя с православной традицией, но и предпринимаются содержательные попытки выявить корни этого явления. В этом же направлении движутся поиски А. Б. Тарасова¹⁷, объектом научного интереса которого является преломление в художественном творчестве Л. Н. Толстого традиционных для богословского дискурса понятий «праведность», «святость» и пр.

Однако, к сожалению, в последнее время в литературе о Л. Н. Толстом мы сталкиваемся также с образцами трафаретного подхода и даже элементарной неосведомленности. В подтверждение данного тезиса приведем только один пример: современный автор, говоря о реформаторских устремлениях Л. Н. Толстого, указывает: «Эта надежда привела Толстого к новому представлению о Боге, к новой религии, существенно отличавшейся от канонического христианства. Опору для такого отличия он нашел в сопоставлении первоначальных текстов Евангелия (для чего ему пришлось освоить древнееврейский язык) с тем, что звучало с амвона Церкви»¹⁸. Автору озвученного тезиса не приходит в голову, что «первоначальные тексты Евангелия», да еще на древнееврейском языке, существуют только в его фантазиях.

Кроме того, не все исследователи освободились от тяжелого идеологического наследия советской эпохи: часто в добротных трудах присутствует явное или скрытое желание возложить на Церковь вину и ответственность за судьбу Л. Н. Толстого. В этом смысле характерна книга А. М. Зверева и В. А. Туниманова «Лев Толстой» (М., 2006), вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей». Ее авторы с совершенно необъяснимым пафосом утверждают, что Толстой в своих кощунственных 39 и 40 главах первой части романа «Воскресение» стремится «показать ложь, фальшь, примитивный обман ритуального представления» о религии¹⁹. Очень характерно также описание пребывания Л. Н. Толстого в Оптиной пустыни – лаконичное и предельное скупое на подробности, с такого рода примечаниями: «К старцам – отшельникам идти не собирался, если не позовут. Разумеется, не позвали. В Оптиной пустыни делать было нечего и опасно долго задерживаться. Оставалось повидать сестру, проститься перед дальней дорогой»²⁰. Не понятно, как здесь могло появиться это безапелляционное «разумеется» и как можно всю драматическую встречу писателя с сестрой – монахиней сводить только к желанию «проститься», когда сам писатель ясно заявлял о своем желании не уезжать от сестры и встретиться со старцами.

¹⁵ Lev Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Projektbeschrieb und Forschungsplan / George M., Herlth J., Schmid U. / Universitäten Bern – Freiburg – St. Gallen. 2009. S. 12 (рукопись).

¹⁶ Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно – этические искания. Л., 1981; Гулин А. В. «Воскресение» и Воскресение. Последний роман Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой. Воскресение. М., 1995; Гулин А. В. Лев Толстой и пути русской истории. М., 2004; Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература: на пути к Оптиной пустыни. М., 2002.

¹⁷ Тарасов А. Б. В поисках идеала: между литературой и реальностью. М., 2006.

¹⁸ Остерман Л. Сражение за Толстого. М., 2002. С. 6.

¹⁹ Зверев А.М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М., 2006. С. 566.

²⁰ Там же. С. 708.

Краткий обзор русскоязычной литературы за последние 20 – 30 лет позволяет заключить, что при обилии разнопрофильных исследований, посвященных тем или иным аспектам религиозного творчества Л. Н. Толстого, специальные работы, посвященные рецепции этого творчества и деятельности Л. Н. Толстого в контексте конфликта писателя с Русской Православной Церковью, в отечественной науке отсутствуют.

ф) Отдельные аспекты проблемы восприятия конфликта «Церковь – Л. Н. Толстой». Здесь в первую очередь следует отметить важнейшие оппозиции: «Л. Н. Толстой – К. П. Победоносцев», «Л. Н. Толстой – Ф. М. Достоевский», «Л. Н. Толстой - К.Н. Леонтьев», «Л. Н. Толстой – св. прав. Иоанн Кронштадтский»²¹.

г) Синодальный акт 20 – 22 февраля 1901 г. Проблема отлучения Л. Н. Толстого.

В советское время появился ряд специальных исследований, посвященных проблеме «Л. Н. Толстой, власть и Церковь». Хотя в них мог содержаться достаточно интересный, с научной точки зрения, материал, общий подход этих работ был предельно идеологизирован. Научно – методологическая схема, рожденная в этот период, может быть охарактеризована следующим образом: Л. Н. Толстой заблуждался в своих духовных поисках, но его критика государства и Церкви носила прогрессивный характер. Отлучение писателя – акт расправы над ним и русской Церковью, и русского государства, и лично К. П. Победоносцева, и в негативном восприятии этого акта были единодушны все передовые русские люди²².

Даже поверхностный анализ источников показывает, что эти выводы либо совершенно ошибочны, либо нуждаются в существенной корректировке. Как это ни парадоксально, принципиально важная с исторической точки зрения проблема отлучения Л. Н. Толстого в современной науке также не может считаться даже удовлетворительно поставленной, потому что без использования специальных методов церковно – исторического (и богословского) исследования история отлучения Л. Н. Толстого от Церкви будет выглядеть только как акт личной мести К. П. Победоносцева, в котором Церковь и государство стали безусловными союзниками. Именно так и смотрит на проблему большинство современных «светских» исследователей: отлучение писателя есть одновременно несправедливость и своеобразное историческое недоразумение, которое как можно скорее должно быть исправлено.

h) Тема «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков». Принципиальное значение в рамках выбранной темы имеют работы, посвященные В. Г. Черткову.

Безусловно, роль В. Г. Черткова в формировании «образа» Толстого и его влияние при подготовке новых произведений очень велики, как и в вопросе распространения взглядов Л. Н. Толстого на «историческое христианство».

Можно утверждать, что до определенного момента во всей литературе о В. Г. Черткове невозможно было выделить сколько-нибудь значимых научных исследований. Это объясняется тем обстоятельством, что долгое время монополией на право говорить и писать о Черткове обладали его непосредственные ученики и их последователи.

²¹ Фридендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой (Статья вторая). // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л. 1978; Тиме Г. А. Немецкий «миф» о Л. Н. Толстом и Ф. Достоевском первой трети XX века: (Русско – немецкий диалог как опыт мифотворчества) // Русская литература. 2001. № 3; Панаэтов О. Г. Н. П. Гиляров – Платонов и К.Н.Леонтьев: Споры о Толстом. Краснодар, 2002; Толстой или Достоевский?: Философско – эстетические искания в культурах Востока и Запада // Материалы Международной конференции, 3 – 7 сентября 2001 г. / РАН. Ин-т русск. литературы (Пушкинский Дом). СПб., 2003; Moos Walter G. Russia in the age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky. London. 2003; Розенблюм Л. М. Толстой и Достоевский: (Пути сближения) // Вопросы литературы. 2006. № 6; Ильяшенко Ф., диак. Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников. Дисс. на соиск. уч. с. к. ист. наук. М., 2004 (рукопись); Ильяшенко Ф., диак. Лев Николаевич Толстой и святой праведный Иоанн Кронштадтский: некоторые аспекты восприятия конфликта современниками // Яснополянский сборник. 2008. Тула. 2008

²² Позойский С.И. Лев Толстой и Церковь. Тула. 1963; Позойский С.И. К истории отлучения Льва Толстого от Церкви. М., 1979; Петров Г. И. Отлучение // Наука и религия. 1978. № 9; Петров Г.И. Отлучение Л.Н.Толстого от Церкви. М., 1978; Мейлах Б. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979.

На этом фоне особо нужно выделить книгу М. В. Муратова (1892 – 1957), писателя, историка и исследователя русского сектантства, познакомившегося с В.Г.Чертковым в 1918 г. и допущенного самим владельцем к своему уникальному архиву²³.

Первый вариант книги М. В. Муратова вышел еще при жизни В. Г. Черткова, в 1934 году, и, как представляется, преследовал совершенно определенную цель: показать, что в целом В. Г. Чертков и Л. Н. Толстой были совершенно единомысленны в жизни, и если в письмах и дневниках Л. Н. Толстого имеются какие-либо критические замечания в адрес своего нового друга и последователя, они носят характер случайных эмоциональных всплесков. С другой стороны, ценность книги М. В. Муратова заключается в том, что ему были доступны те письма В. Г. Черткова к Л. Н. Толстому, которые не вошли в полное собрание сочинений писателя.

Только благодаря деятельности последнего секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова в печать стали попадать материалы, позволяющие существенно скорректировать картину взаимоотношений писателя и его ближайшего ученика.

Важное место в теме «Толстой и Чертков» занимает единственная имевшаяся до недавнего времени монография, посвященная ближайшему ученику писателя: Fodor A. «A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov» (Laham, MD: University Press of America, 1989)²⁴. Однако многие интересные догадки А. Фодора не могли быть им научно обоснованы: главным недостатком его монографии является отсутствие анализа архива В. Г. Черткова, который исследователю был недоступен.

Таким образом, анализируя историографию, связанную с темой диссертации, можно сделать следующий вывод. Отдельные аспекты проблемы в отечественной и зарубежной научной традиции рассмотрены подробно и всесторонне. В первую очередь это касается анализа богословских и философских аспектов позднего религиозного творчества Л. Н. Толстого. Кроме того, существуют серьезные достижения (в первую очередь в области отечественного литературоведения) в осмыслении проблемы генезиса и эволюции религиозного творчества Л. Н. Толстого и его связи с творчеством Ф. М. Достоевского. Наконец, в последние пятьдесят лет было издано большое количество важных источников, связанных с проблемой конфликта Л. Н. Толстого с Церковью.

В то же время сама проблема «Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой» требует не только серьезного рассмотрения, но даже принципиальной постановки, а важнейшие аспекты этой темы только сейчас фактически начинают разрабатываться. В первую очередь это относится к предыстории, истории и рецепции синодального определения 20-22 февраля 1901 г., роли обер – прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, императоров Александра III и Николая II, первенствующего члена Св. Синода митр. Антония (Вадковского) в подготовке отлучения писателя. Также требует фундаментального исследования тема «Л. Н. Толстой и В.Г. Чертков», в первую очередь на основе архива последнего.

Источники исследования.

В данной работе использованы разнообразные опубликованные и архивные документы. В общей сложности к исследованию привлечено большое количество изданных источников, а также материалы приблизительно 150 дел 28 фондов 7 архивохранилищ России и Германии: ОР ГМТ, РГАЛИ, РГИА, НИОР РГБ, ОР РНБ, ЦА ФСБ РФ и Отдел рукописей Национальной библиотеки г. Берлина; в последнем собрании автором диссертации был найден неизвестный в России автограф Л. Н. Толстого²⁵.

Каждый из аспектов научной проблемы, которая лежит в основе данной диссертации, характеризуется, как правило, своим собственным типом источников.

²³ Муратов М.В. Л. Н. Толстой и В.Г.Чертков по их дневникам и переписке. Hermitage Publishers. 2003.

²⁴ В 2009 г. в издательстве ПСТГУ выпущена монография автора данной диссертации: Ореханов Г., свящ. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М., 2009.

²⁵ Staatsbibliothek zu Berlin. Handschriftenabteilung. Fond von Handschriftenlesesaal. Slg Autogr. Tolstoi Lev Nikolaevic. 1905.

Для осмысления проблемы восприятия учения Л. Н. Толстого в России необходимо было обратиться к философским трактатам писателя, отдельным произведениям Ф. М. Достоевского, критической литературе философского, богословского и литературоведческого характера конца XIX - начала XX века. Для анализа оппозиции «Л. Н. Толстой – В. Г. Чертков» привлекаются в первую очередь источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания, здесь в первую очередь важен для рассмотрения процесс эволюции антицерковных взглядов писателя, насколько он вообще может быть прослежен. Наконец, третий аспект проблемы (церковно – государственная рецепция) требует обращения к источникам официального характера.

Основные документы, связанные с различными обстоятельствами антицерковной полемики Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, а также с отлучением писателя и его пребыванием на станции Астапово, в наибольшей степени представлены в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, где они сконцентрированы в фондах 1 (Л. Н. Толстой) и 60 (В. Г. Чертков).

Информация о конфликте Л. Н. Толстого с Церковью и его антицерковной деятельности может быть дополнена материалами других архивов. Некоторые важные документы хранятся в РГАЛИ, в первую очередь здесь следует назвать фонды 508 (Толстовское собрание) и 552 (Личный фонд В. Г. Черткова). Кроме того, ряд официальных документов, исходящих из Св. Синода, хранится в РГИА (фонды 796, 797, 1574).

Все имеющиеся важнейшие источники по теме данной работы можно условно разделить на несколько групп.

А. Документы, связанные с биографией писателя и его сочинениями: религиозно-философские работы самого Л. Н. Толстого, его дневники, а также многочисленные письма, которые даются по полному (т.н. «юбилейному») собранию сочинений. Кроме этого 90-томного собрания, в работе были использованы другие издания эпистолярного наследия Л. Н. Толстого, в частности, переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым²⁶, а также документы, позволяющие уточнить те или иные обстоятельства разрыва писателя с Церковью²⁷. В диссертации использован большой массив свидетельств лиц, близких Л. Н. Толстому по своим взглядам²⁸.

В. Источники личного характера, дающие представление об особенностях восприятия учения и деятельности Л. Н. Толстого в России (отчасти и в мире)²⁹.

²⁶ Л.Н. Толстой и Н.Н.Страхов: Полное собрание переписки. Т. I – II. Группа славянских исследований при Оттавском университете; Государственный музей Л. Н. Толстого. 2003.

²⁷ ОР ГМТ. Ф. 1. № – 10930; № – 8299; № – 9389.

²⁸ Переписка Л.Н. Толстого с гр. А. А.Толстой. 1857 – 1903. СПб., Издание Общества Толстовского музея. Т.1. 1911; Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990; Толстая Т. Л. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода // Лев Толстой. Литературное наследство. Т. 69. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2.; Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1965; Маковицкий Д.П. У Толстого: 1904-1910. Яснополяские записки // Литературное наследство. Т.90: Кн. 1-4. М., 1979; Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Т. 2. М., 1923; РГАЛИ. Ф. 41 (Бирюков П. И.). Оп. 2. Д. 2; Д. 5.; Толстая А. Л. Об уходе и смерти Л.Н.Толстого // Толстой. Памятники творчества и жизни. Вып. 4. М., 1923; Александра Толстая: Каталог выставки. Тула. 2000; Толстая А. Л. Дочь. М., 2000; Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого: В 2 т. М., 2001; Толстая А. Л. Записная книжка (27 октября – 6 ноября 1910 г. – Уход и смерть Л.Н.Толстого: Почему ушел Л.Н.Толстой из Ясной Поляны?) / Публ. Н.А.Калининой // Толстовский ежегодник, 2001. М., 2001; ОР ГМТ. Ф. 60 . № - 62 440Б; № - 62 441Б; ОР ГМТ. Ф. 62. № - 48; РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 355. РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 73; Д. 2693; Чертков В. Г. О последних днях Льва Николаевича Толстого: Записки. [Раненбург]. [1911]; Чертков В.Г. Уход Толстого / Ком. им. Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим. М., 1922; Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1989; Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула. 1964; Булгаков В. Ф. «Злой гений» гения: [В. Г. Чертков] / Вступ. статья А. Ларионова // Слово. М., 1993. № 9/12; Сухотин М. С. Из дневника М. С. Сухотина // Лев Толстой. Литературное наследство. Т. 69. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2.

²⁹ Отражение в русском обществе отлучения Л.Н.Толстого от Церкви. (По сведениям Департамента полиции) // В сб.: Толстой. Памятники творчества и жизни. 1923. Кн. 3; Прокопчук Ю. В. Отлучение Л. Н. Толстого от Церкви в зеркале общественного мнения (по материалам Отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого) // Лев Толстой и мировая культура. Материалы второго международного толстовского конгресса. М., 2006; Ореханов Г., свящ. Новые материалы по поводу отлучения Л.Н.Толстого от Церкви // Исторический архив. 2005. № 3; «Вы, смиренные в митрах, опозорили себя и Россию» / Публ. М. Н. Курова // Наука и религия. 1978. № 9; Куров М.Н. Новые материалы об отлучении Л.Н.Толстого. (К 150 – летию со дня рождения) // Вопросы научного атеизма. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма. Вып. 24. М., 1979.

С. Официальные распоряжения, свидетельства о наблюдении за Л. Н. Толстым, распространении его взглядов и произведений, жизни в Ясной Поляне, болезни и смерти. В эту группу входят источники разного уровня – от высшего правительственного (император, Совет министров, Св. Синод) до администрации Тульской губернии³⁰.

Д. Церковные источники: официальные - распоряжения Св. Синода, переписка по поводу взглядов Толстого и его отлучения, пребывания в Астапово и смерти писателя, материалы Оптиной пустыни, церковная публицистика³¹.

Методологическая основа исследования³².

В данной диссертации проблема конфликта Л. Н. Толстого и Русской Православной Церкви анализируется во взаимовлиянии и взаимообусловленности историко-культурных тенденций развития русского общества второй половины XIX века. Именно этим обстоятельством был обусловлен выбор общих и специальных методов исследования.

В работе применялись следующие методы:

- *историко-генетический*, позволивший последовательно раскрыть изменения в содержании религиозных взглядов Л. Н. Толстого и их общественной трансляции, определившей особенности генезиса и эволюции конфликта писателя с Русской Православной Церковью;
- *проблемно-хронологический*, когда тема исследования локализуется на ряд частных проблем (историко-культурный контекст возникновения религиозной проповеди Л. Н. Толстого; особенности деятельности В. Г. Черткова; особенности процесса подготовки синодального определения 20-22 февраля 1901 г.);
- *диахронный*, способствовавший «параллельному» анализу церковной и культурной парадигмы в их взаимопересечении и взаимовлиянии и исторической ретроспективе;
- *типологизации*, обращение к которому обусловлено структуризацией объектов исследования (типов восприятия конфликта между Русской Православной Церковью и Л. Н. Толстым) по их существенным признакам, в первую очередь по способу религиозного самоопределения;
- *компаративистский*, при помощи которого осуществлялся анализ скрытой сущности сложного процесса возникновения и развития изучаемого явления, в данном случае конфликта между Л. Н. Толстым и Церковью
- *метод выделения и описания констант культуры*, т. е. базовых принципов, которые определяют менталитет обширных социальных групп и обладают определенной стабильностью по отношению к «внешним» факторам (политическим, экономическим, социальным); этот метод является особенно эффективным в ситуации, когда в рамках богословской и религиозно-исторической проблематики речь заходит о таких понятиях, как «конфликт», «восприятие», «кризис», требующих для своего осмысления своеобразного междисциплинарного синтеза.

³⁰ Ковалев И.Ф. Борьба царизма и Церкви с Л.Н.Толстым // АН СССР. Институт истории. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. VIII. М., 1960; Ковалев И.Ф., Захаров С.В. Документальные материалы о Л.Н.Толстом (Обзор материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР) // Русская литература. 1968. № 1; ОР ГМТ. Ф. 60. Оп. 2. № - 65; ОР ГМТ. Ф. 1. № – 3205; РГАЛИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 231; ОР РНБ. Ф. 783. Д. 17.

³¹ Дни нашей скорби. Сборник статей и известий о последних днях Льва Николаевича Толстого. М., 1911; Николаев А.С. К последним дням жизни Льва Николаевича Толстого [Рапорты Св. Синоду, донесения, переписка] // Дела и дни. Исторический журнал. Пб., 1920. Кн. 1; Л.Н.Толстой в Астапове (Переписка моск. – камыш. жанд. полиц. упр. с жанд. ротм. Савицким и штабом отд. корп. жандармов) // Красный архив. 1923. Т. 4; Смерть Толстого. М., 1928; Уход Льва Толстого: документальные свидетельства / Публ. Н. Блудилиной // Москва. М., 2000. № 11; ОР ГМТ. Ф. 1. № – 4922; № – 9389; № - 39675; НИОР РГБ. Ф. 213. (Оптина пустынь). Картон 2. Д. 3; Картон 65; Ф. 214. Д. 367; Тихомиров Л. А. Новые плоды учения гр. Л. Н. Толстого // Миссионерское обозрение. 1897. № 1; Новоселов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901) // Л.Н.Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2000.

³² Методология представленного диссертационного исследования в части, связанной с определением понятия «богословский метод», разрабатывалась автором диссертации в тесном контакте с коллегами по Богословскому факультету, в первую очередь с кандидатом философских наук священником К. Польсковым и доктором философских наук К. М. Антоновым. В настоящий момент в печати находится обобщающая статья свящ. К. Польскова, посвященная анализу богословского метода в научных исследованиях.

Религиозное творчество Л. Н. Толстого нуждается в специальных, богословских методах исследования.

Богословский метод в общем виде может быть определен как соотнесение конкретного культурно - исторического опыта с Божественным Откровением, так или иначе формализованным, или, выражаясь по – иному, с нормой церковного самосознания. При этом самосознание Церкви воспринимается как объективный факт, значимо влияющий на менталитет и поведение ее членов, формирующий их духовную жизнь и культурную деятельность.

Этот подход позволяет выделить *три специальных метода богословского и церковно – исторического исследования*:

1. Соотнесение данного явления культуры (текста в широком понимании) с конфессиональным опытом интерпретации Священного Писания (метод библейской герменевтики).
2. Соотнесение данного явления со Священным Преданием Церкви (метод святоотеческой герменевтики).
3. Соотнесение данного явления с историческим опытом Церкви (метод церковно – исторической герменевтики).

Все три метода имеют герменевтическую направленность, т.е. связаны с *характером понимания* данного культурного опыта.

С этой точки зрения в научных исследованиях принципиально важно отдавать себе отчет в том, с каким «типом» христианства, с какой именно квазихристианской моделью имеет дело исследователь.

Именно поэтому, в рамках описанной методологии, принципиальным является вопрос соотнесения религиозных взглядов Л. Н. Толстого как с традицией понимания и толкования Священного Писания и учения св. отцов, так и с особенностями церковной жизни России второй половины XIX века.

Цели исследования: проанализировать причины и характер конфликта Л. Н. Толстого с Русской Православной Церковью, приведшего к появлению синодального определения 20-22 февраля 1901 г., а также выявить значение конфликта в общественной жизни России и особенности его восприятия современниками.

Задачи исследования.

1. Выявить методологические и исторические особенности категории «религиозный кризис», а также конкретно-исторические формы проявления религиозного кризиса в России во второй половине XIX века на фоне секуляризационных явлений, сыгравших решающую роль в формировании мировоззрения русской интеллигенции.
2. Исследовать социо-культурные предпосылки восприятия религиозно-философских взглядов Л. Н. Толстого и его деятельности.
3. Проанализировать субъективные и объективные особенности духовного переворота Л. Н. Толстого, особое внимание сосредоточив на специфике становления его религиозных взглядов и идей в конкретном культурно – историческом и религиозно-конфессиональном контексте.
4. Исследовать основные тенденции и формы рецепции конфликта Л. Н. Толстого с Русской Православной Церковью различными социальными и церковными группами.
5. Проанализировать значение личности и роль В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого, формировании антицерковной позиции писателя, распространении его учения, подготовки завещания Л. Н. Толстого, а также рассмотреть проблему восприятия образа В. Г. Черткова современниками.
6. Рассмотреть особенности процесса подготовки официального определения Русской Православной Церкви по отношению к антицерковной деятельности Л. Н. Толстого, роль К. П. Победоносцева в этом процессе, а также проанализировать содержание и значение синодального акта 20-22 февраля 1901 г. и характер его восприятия современниками в последние десять лет жизни писателя.

Научная новизна исследования.

Новизна представленной диссертации определяется следующими обстоятельствами:

- Проведенное исследование существенно трансформирует сложившуюся в российской и западной научной литературе картину истории конфликта Л. Н. Толстого с Русской Православной Церковью.
- Диссертация включает в контекст отечественной науки наиболее авторитетные и влиятельные идеи и концепции западных авторов, работавших над исследованием различных аспектов данной проблемы.
- В данном исследовании впервые в отечественной науке на методологическом уровне предпринимается попытка анализа понятия «религиозный кризис» в конкретном социо-культурном контексте, дается авторская интерпретация этого понятия, раскрываются его специфические историко-культурные особенности.
- В работе комплексно исследована проблема конфликта Русской Православной Церкви и Л. Н. Толстого, выявлены особенности этого конфликта и его историческая и богословская специфика.
- В исследовании показано многообразие позиций представителей русской интеллигенции по отношению к данному конфликту, систематизированы и структурированы особенности, в том числе и конфессиональные, взглядов различных социальных и церковных групп на конфликт писателя с Церковью.
- В диссертации впервые в отечественной и зарубежной исторической науке дана комплексная оценка роли В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого.
- В работе исследованы особенности процесса подготовки синодального определения 20-22 февраля 1901 г., показана роль митр. Антония (Вадковского) и К. П. Победоносцева в этой деятельности, дана оценка синодального акта с церковно-канонической точки зрения.
- В диссертации введен в научный оборот новый корпус источников, архивных материалов, расширивших возможности дальнейшего изучения данной темы.

Апробация диссертации.

Основные идеи диссертации нашли отражение в трех монографиях автора (На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002; Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М., 2009; Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: причины конфликта и его восприятие современниками. М., 2010 (в печати)), а также в коллективной монографии Lev Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Universitäten Bern – Freiburg – St. Gallen. 2010 (в печати, на нем. языке), в которой автором написан раздел «Das Verhältnis der Russischen Orthodoxen Kirche den religiösen Ideen von Tolstoj gegenüber», и в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, Богословском сборнике ПСТБИ и в материалах ежегодных богословских конференций ПСТГУ.

Материалы диссертационного исследования легли в основу спецкурсов «Л. Н. Толстой и Русская Православная Церковь» и «Религиозный кризис в России во второй половине XIX – начале XX века», которые читаются автором на Богословском факультете ПСТГУ.

Автор выступал с докладами по теме диссертации на Богословской конференции, ежегодно проводимой Богословским факультетом ПСТГУ. Выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории Русской Церкви, Истории России и Философии религии и религиозных аспектов культуры Богословского и Исторического факультетов ПСТГУ, а также на различных отечественных и международных конференциях, в том числе: «Научно-богословские труды по проблемам православной миссии», Исторический факультет МГУ, М., 1998; «Личность в истории Русской Православной Церкви», М., ИРИ РАН, 28-29 ноября 2005 г.; «Лев Толстой и Русская Православная Церковь». Ясная Поляна, 2-3 марта 2006 г.; «Христианство, иудаизм и ислам: опыты встречи» Сериате (Италия), 28-29 октября 2006 г.; «Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. Материалы международной юбилейной научной конференции». СПб., 29-31 мая 2007 г.; «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избранию Патриарха Тихона». Москва. ПСТГУ. 19-20 ноября 2007 г.; «Церковь в современном мире: вызов секуляризации», Берлин, 23-27 июня 2008 г.; «Вехи». Верстовые столбы русской религиозной мысли», Рим, 26 февраля 2009 г.;

«Лев Толстой как религиозный мыслитель и церковный критик», Фишинген (Швейцария), 25-26 августа 2009 г.; «Лев Толстой и Церковь», Рим, 14-15 декабря 2009.

Диссертация была обсуждена на кафедре Истории Русской Православной Церкви Богословского факультета ПСТГУ 15 октября 2009 г. и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух частей (четырёх глав), заключения, списков источников и литературы и 13 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи диссертационной работы, рассматриваются методология и источники исследования, определяются его научная новизна, описывается апробация его результатов и структура работы.

Первая часть работы **«РЕЛИГИОЗНО – ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ»** состоит из двух глав.

Первая глава диссертации **«ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПРИЗНАКИ»** состоит из двух параграфов.

Первый параграф носит название **«Эпоха «Великих реформ» и духовное состояние русского общества. Религиозные парадигмы эпохи».**

1860-е годы в России – время начала великого противостояния в русском обществе, главными проявлениями которого стали кризисы социально – экономический, социально – политический, культурный, и, наконец, религиозный. С одной стороны, важнейшим историческим фактором становится «Молох цивилизации», идол, которому, как замечает В. Н. Ильин, во времена Л. Н. Толстого «молились все и к которому стремились «приспособить» и христианство»³³. С другой стороны, само христианство имело опасную тенденцию превратиться в риторику, которую никто серьезно не принимает.

Хотя сам Л. Н. Толстой, как правило, сознательно дистанцировался от проблематики 1860-х годов, вопросы, которые его волновали всю жизнь, были вызваны именно этой проблематикой и вписывались в контекст обсуждавшихся в это время острых вопросов русской жизни. Можно констатировать, что только после т.н. духовного переворота эти вопросы в творчестве Л. Н. Толстого приобретают характер религиозно – нравственного кризиса. В отличие от большинства своих современников Л. Н. Толстой не видел другого способа решения социальных и политических проблем русской жизни, кроме способа религиозного.

Проповедь Л. Н. Толстого возникает в секулярной среде, важнейшей антиномией которой является тот факт, что весь аппарат европейской культуры XVIII – XIX веков, вся ее проблематика генетически и по существу связаны с христианским благовестием, а способы решения культурных задач ищутся вне христианства.

Именно на этой почве рождается русская интеллигенция, в идейных установках которой уже присутствует главный признак религиозного кризиса: стремление к жизни моральной, святой, сочетается с отсутствием опоры на христианское предание, игнорированием ориентации на «церковно-историческую магистраль»³⁴, что в жизни приводит к индивидуальным кризисам и срывам.

Мировоззрение русской интеллигенции характеризуется рядом важных особенностей, каждая из которых имеет принципиальное значение при анализе вопроса о генезисе и восприятии религиозного творчества Л. Н. Толстого.

Первой такой особенностью является *протестный характер мировоззрения*, т.е. отталкивание от традиции, оппозиционность по отношению ко всем остальным элементам

³³ Ильин В. Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. Спб., 2000. С. 320 – 321.

³⁴ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991 [репринт: Париж, 1937]. С. 317.

общества, в первую очередь по отношению к государственной системе в целом, а также по отношению к составляющим ее государственным институтам и по отношению к Церкви.

Второй важной особенностью мировоззрения интеллигенции является *комплекс вины перед народом*, переживания, которое часто превращалось в своеобразное идолопоклонство, религию «народобожия» (прот. С. Булгаков), «праздношатайство» (Ф. М. Достоевский), хотя не исключало, безусловно, примеров высокого и самоотверженного служения.

Именно поэтому так важно подчеркнуть, что религиозные идеи Л. Н. Толстого облачаются в социальную оболочку, их «нерв» связан в первую очередь с идеей служения народу, облегчения его страданий. Можно было бы сказать по-другому: социальный надрыв – это ядро мировоззрения писателя, которое находит религиозное выражение.

Третий важнейший момент, связанный с характеристикой мировоззрения интеллигенции – трансформация христианских заповедей, которая реализуется в *панморализме*, т.е. тотальном господстве именно моральных ценностей в религиозных поисках. Это явление подробно проанализировано С. Л. Франком в «Вехах», где он показывает, что морализм интеллигенции есть выражение и отражение ее нигилизма, т.е. непризнания и отрицания абсолютных объективных ценностей – религиозных, научных, эстетических и других³⁵. Важным следствием и спутником панморализма является антропологический оптимизм, т.е. вера в то, что моральное перерождение всех или многих способно решить главные социальные проблемы человека.

Антропологический оптимизм теснейшим образом связан еще с одной, четвертой особенностью рассматриваемого типа мировоззрения – это *адогматический характер* религиозности, которую исповедует интеллигенция, т.е. отрицание, в той или иной степени, необходимости мистической стороны в христианском учении.

Представляется, что именно антигосударственный и антицерковный характер учения Л. Н. Толстого, его нигилистический пафос, является одной из главных причин ее популярности. Однако этот нигилистический пафос должен пониматься правильно: здесь важно не только отрицание, но и общие эстетические установки, чувство восхищения перед «ясновидцем плоти», для которого нет тайн в человеческой душе и который с беспощадностью варвара срывает с нее маски, рожденные псевдо-культурой. Таким образом, в творчестве писателя нашел отражение не только протест русской интеллигенции, но и ее эстетические, религиозные и моральные поиски.

Второй параграф носит название **«Русская Церковь и религиозный кризис общества»**.

Под влиянием различных обстоятельств в XIX веке в России сложился особый тип церковно – государственных отношений, который явился прямым следствием существовавшей системы государственного регулирования церковной жизни, той ее идеологической нормативной рамкой, которая была задана «сверху» и которая имела многообразные последствия в России. Уже в эпоху Николая I общее стремление к унификации и бюрократизации коснулось реалий церковной жизни. Именно поэтому данный период получил жесткую оценку в письмах святит. Игнатия (Брянчанинова), который сообщал одному из своих корреспондентов: «Я переживал в Сергиевой пустыни ту эпоху, во время которой неверие и наглое насилие, назвавшиеся Православием, сокрушали нашу изветшавшую церковную иерархию, насмехались и издевались над всем священным. Результаты этих действий поныне [т.е. в середине 1860-х годов, когда было написано данное письмо – свящ. Г. Ореханов] ощущаются очень сильно[...] действия врагов Церкви и Христа желаю понимать и признавать тем, что они есть»³⁶.

Глубокий анализ «синодального типа» церковно-государственных отношений дан в предисловии Ю. Ф. Самарина к богословским сочинениям А. С. Хомякова. Ю. Ф. Самарин подчеркивает то обстоятельство, что эти отношения по сути обслуживают государственную власть, выполняя очень неблагоприятную функцию — одобрять и благословлять любое начинание этой власти, носящее временный, может быть даже случайный характер. Вера становится не

³⁵ Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990 [репринт издания 1909 г.]. С. 155 - 159.

³⁶ [Игнатий (Брянчанинов), святит.] Собрание писем Святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. Игумен Марк (Лозинский). М.-СПб., 1995. С. 123-124.

целью, не содержанием благочестия, а средством для достижения чисто земных результатов, средством только воспитания и даже запугивания.

В этой ситуации, по мнению Ю.Ф.Самарина, в русском обществе развиваются несколько видов неверия: неверие научное, т.е. тотальное торжество вульгарного позитивизма, неверие казенное, порождающее, наконец, неверие бытовое, связанное с ориентацией русской культуры на западные идеалы³⁷.

В диссертации подчеркивается, что именно в синодальную эпоху в культуре имеют место явления, которые носят характер религиозного кризиса.

Для анализа этого явления в диссертации использовано понятие «константы культуры». Используя это понятие, можно определить религиозный кризис как ситуацию, когда *восприятие констант культуры, связанных с религиозной сферой, претерпевает значительную трансформацию*. Религиозные искания представителей данного поколения не могут найти разрешение в старой системе ценностей, таким образом, возникает необходимость конструирования новой системы религиозных ценностей.

Первым признаком религиозного кризиса в диссертации выделяется *кризис восприятия Церкви*, ее учения и роли в жизни общества. Фактически в России противостояние духовного сословия и интеллигенции воспринималось как противостояние двух совершенно чуждых друг другу реальностей. Очень характерно, что уже в начале XX века, когда образовательный уровень духовенства резко вырос, именно так определяла проблему З. Н. Гиппиус: *мы и они*, два разных мира, совсем другая культура, более того, другая ментальность³⁸.

В сознании многих представителей образованной части русского общества возникает своеобразный разрыв - Церковь мыслится уже не как Царство не от мира сего, но как институт, предъявляющий абстрактные и непонятные требования: «призывы Церкви перестали ныне действовать на людей, вера обратилась во что-то внешнее, в форму, обряд, почти без признаков духа жизни; перестали даже думать, чтобы вера могла иметь какое-либо действительное участие в жизни» (из статьи Н. П. Петерсона)³⁹.

Иллюстрацией этого тезиса, как показано в работе, стала проповедь лорда Редстока, которая была настолько значительным явлением русской жизни второй половины 1870-х годов, что в своем дневнике за 1876 г. молодой вел. кн. Сергей Александрович относит ее (наряду с восточным вопросом и увлечением спиритизмом) к числу наиболее важных «тем разговора» в придворном кругу⁴⁰. Очень характерно, что хронологически она совпадает с «хождением в народ» - представляется, что эти два явления можно рассматривать, как проявление характерного для данной эпохи «всплеска» религиозного энтузиазма.

Ближайшим спутником и одновременно следствием общего религиозного кризиса стал кризис евхаристический: необходимость участвовать в Евхаристии, Таинстве, созидающем Церковь как Тело Христово, воспринимается многими «членами Церкви» как некая тягостная обязанность, осложненная говением и чреватая неприятностями по служебной линии в случае ее игнорирования.

Таким образом, религиозно – философское творчество Л. Н. Толстого позднего периода самым тесным образом связано с проблемой секуляризации и религиозного состояния русского общества XIX века, оно непосредственно связано именно с кризисом веры и духовности. Появление «Исповеди» Л. Н. Толстого знаменовало новый этап в развитии русского общества. «Исповедь» фактически означала, что кризис веры достиг своего апогея. Роман «Воскресение» является только логическим завершением этой тенденции в творчестве Л. Н. Толстого. Совершенно не случайно авторы «Миссионерского обозрения» отмечали в 1901 г.: «Подобает

³⁷ Самарин Ю. Ф. Предисловие // Хомяков А. С. Сочинения богословские. СПб., 1995 (репринтное издание полного собрания сочинений А. С. Хомякова 1907 г.). С. 8 — 10.

³⁸ Гиппиус З. Н. Воспоминания о религиозно - философских собраниях // Наше наследие. 1990. № IV (16). С. 68.

³⁹ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4. М., 1999. С. 505.

⁴⁰ Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Книга первая. 1857 – 1877. М., 2006. С. 284.

быть ересям, - и Толстой явился, по попущению Божию, с его оскорбительным для нас богохульством, как мщение нам за нашу духовную беспечность»⁴¹.

Вторая глава диссертации **«РЕЛИГИОЗНО – ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВОСПРИЯТИЯ В РОССИИ»** состоит из трех параграфов.

Первый параграф **«Духовный переворот Л. Н. Толстого»** посвящен анализу обстоятельств жизни писателя, приведших к глобальным идейным переменам его жизни и появлению религиозно-философских трактатов.

В этом смысле следует особо подчеркнуть значение идей Просвещения, сыгравших столь значительную роль в религиозной биографии писателя. Л. Мюллер замечает, что истинная причина расхождения Л. Н. Толстого с православием заключалась не в проблеме религиозной межконфессиональной нетерпимости, не в военной службе или смертной казни – все это были проявления конкретной идейной «закваски», глубоко отпечатанной в его душе, природе и воспитании. Противостояние писателя с Православием не есть индивидуальный и более – менее случайный эпизод, вызванный психо-физиологическими особенностями, он есть на самом деле противостояние между радикальным просвещенчеством, признающим только мистическую этику, и отрицающим догматику и культ, и самой идеей церковности, которая активно сопротивлялась секуляризационно - просвещенческим тенденциям⁴².

Важное значение в понимании религиозной эволюции Л. Н. Толстого имеют его отношения и переписка с гр. А. А. Толстой. На основании переписки с А. А. Толстой в диссертации реконструируется своеобразная история религиозной жизни Л. Н. Толстого, вплоть до разрыва в начале 80-х годов.

Кроме того, важнейшим фактором, оказавшим влияние на всю жизнь писателя, было его знакомство с Оптиной пустыней. Можно констатировать, что в течение всей жизни именно «оптинское христианство» стало для Л. Н. Толстого неким религиозным эталоном, даже тогда, когда писатель вступил в стадию острого конфликта с Церковью.

В своих воспоминаниях все близкие Л. Н. Толстому лица подчеркивают неожиданный характер переворота, свершившегося в писателе. Некоторые обстоятельства этого периода жизни Л. Н. Толстого позволяют уточнить два важнейших архивных документа: выписки из исповедной книги села Кочаки – семейного храма многих поколений Толстых⁴³, а также из исповедной книги церкви Знамения близ Девичьего поля, недалеко от хамовнического дома семьи Толстых⁴⁴.

На почве нового мировоззрения и критики догматической системы митр. Макария рождается ряд известных философских трактатов писателя, в которых Л. Н. Толстой излагает суть своего представления о религии. Эти произведения составляют своеобразную систему: «Исповедь» - история духовного переворота, «Критика догматического богословия» - изложение новых взглядов Л. Н. Толстого, новый «перевод» Евангелия – попытка найти подтверждение своим взглядам в Священном Писании.

«Критика догматического богословия», при всей ее неприемлемости для церковного сознания и при всей ее чуждости научному типу критики, была своеобразным маркером существенной церковной потребности в создании адекватного эпохе богословского языка: агрессивная критика Л. Н. Толстого только подчеркивала то обстоятельство, что Церковь уже не может пассивно следовать в фарватере позитивистской антицерковной критики и только отвечать с большим опозданием на «вызовы современности», она нуждается в активном, творческом действии.

⁴¹ Скворцов В., М. А. Н[овосело]в, Фудель И. О соблазнах полемической литературы (по поводу опубликования «Ответа» гр. Л. Н. Толстого) // Миссионерское обозрение. 1901. Июль – август. 1901. С. 48 – 49.

⁴² Müller L. Die Religion Tolstojs und sein Konflikt mit der Russischen Orthodoxen Kirche // In: Pinggera K. Russische Religionsphilosophie und Theologie um 1900. Marburg. 2005. S. 5, 8.

⁴³ ОР ГМТ. Ф. 1. № - 39748. Выписки из исповедальной книги церкви села Кочаки. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1869 по 1905 г. Машинописная копия. Нумерация листов отсутствует.

⁴⁴ ОР ГМТ. Ф. 1. № - 39627. Выписки из исповедальной книги церкви Знамения близ Девичьего поля Пречистенского сорока в Москве. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1882 по 1894 г. Рукописная копия. Л. 1 - 2.

Второй параграф «Религиозно – философские идеи Л. Н. Толстого и культурно – исторические предпосылки их восприятия» посвящен анализу особенностей рецепции религиозной проповеди Л. Н. Толстого.

Религиозное творчество Л. Н. Толстого носит глубоко антиномический характер. С одной стороны, со всей остротой писатель ставит вопрос о религиозном смысле жизни человека. С другой стороны, он утверждает, что тот ответ, который дает христианство, не может удовлетворить современного европейца. Одной из главных причин решительного разрыва Л. Н. Толстого с Православием становятся его мировоззренческие установки панэнтеистического характера. Писатель отрицает существование какой-либо мистико-догматической стороны в вопросах веры, причем, применительно к психо-интеллектуальной конституции Л. Н. Толстого, речь должна идти именно о религиозной нечувствительности к центральной идее Евангелия – Воскресению Христову. Характерно, что в философии Л. Н. Толстого противопоставление *плоти* и *духа* достигает предельно возможного выражения.

Кроме того, идеи Л. Н. Толстого категорически несовместимы с возможностью какой-либо личностной связи с Богом, для них характерна крайняя степень *аперсонализма*: с точки зрения Л. Н. Толстого, понятие «личность» не имеет никакой религиозной ценности не только для человека - Сам Бог не является личностью, поэтому идея какого-либо посредника в богообщении для писателя невозможна. Религия – это не союз двух личностей, не предстояние одного Другому, которое осуществляется только в Церкви и при ее благодатной помощи, а своеобразное «богоношение» - в каждом человеке живет «бог», который открывается не в символических действиях (таинствах), также радикально писателем отрицаемых и отвергаемых, а только в разуме и любви.

Именно поэтому между взглядами писателя и учением Церкви (во всяком случае, на теоретическом уровне) лежит непроходимая грань: Л. Н. Толстой отрицает то, что составляет основу христианского учения – веру в Воскресение Христово, всеобщее личное воскресение и вечную жизнь. С точки зрения Л. Н. Толстого, главным в Евангелии и христианстве является нравственное учение Христа, изложенное в Нагорной проповеди, т.е. та часть евангельского наследия, которая Церковью всегда воспринималась как *следствие из факта* Воскресения Спасителя. Фактически речь здесь должна идти о том, что Л. Н. Толстой *не открывает* для себя Христа, а *творит* Его образ, исходя из своих собственных философских представлений. Тот же самый метод используется писателем и по отношению к Учению Христа, в этом смысле очень показательным замечанием Н. А. Бердяева: «идея "непротивления злу насилием" взята Толстым не из Евангелия, она есть вывод из его веры в благость, в божественность "природы", которая искажена насилием цивилизации, в правду первичной стихии жизни»⁴⁵.

В диссертации особое внимание уделено анализу дневниковых записей Л. Н. Толстого последних лет жизни. Этот материал позволяет сделать важные выводы.

Во-первых, никакой внутренней уверенности в том, что было преподано всему миру, как законченная и стройная религиозная доктрина, у самого ее автора не было. Сделав основой своего восприятия веры, точнее, религии и духовности, *разумную любовь*, писатель именно на этом пути демонстрирует подсознательное ощущение отсутствия твердого *интеллектуально-духовного ориентира* и *нравственную растерянность*, понимание личной неспособности в сконструированной им схеме разумно жить по заповедям Христовым.

Важно и другое. Постоянно и в жесткой форме дистанцируясь от православного вероучения, квалифицируя его, как суеверие, обман и даже кощунство, Л. Н. Толстой реально был от него зависим, практически ежедневно размышлял над содержанием основных истин христианской догматики, которые, очевидно, просто не давали ему покоя, о чем свидетельствуют многократные возвращения к уже сказанному ранее не только в трактатах, но и в дневнике.

Большинство специалистов русской академической корпорации не проявляли к религиозному творчеству Л. Н. Толстого большого интереса, хотя в целом с критикой его взглядов выступили многие православные авторы. Из 109 докторских диссертаций, защищенных

⁴⁵ Бердяев Н. А. Л. Н. Толстой // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/tolstoi.html> [26.10.2009].

в русских духовных академиях за период с 1884 по 1911 г., Л. Н. Толстому была посвящена только одна, профессора КазДА А. Ф. Гусева (менее 1 %). Из 358 магистерских диссертаций, защищенных за это же время, прямое или косвенное отношение к писателю имели 13 работ (чуть больше 3 %) ⁴⁶.

Правда, эта статистика требует дополнительной корректировки. Были отдельные авторы-представители академической корпорации, проявившие к религиозному творчеству Л. Н. Толстого повышенный интерес. В первую очередь это относится к личности будущего главы зарубежного Синода митр. Антония (Храповицкого).

Для русских философов было ценно как литературное творчество Л. Н. Толстого, так и высокое этическое притязание его «религии», однако они, за отдельными исключениями, хотели в той или иной степени оставаться верными христианской традиции, скорее именно как традиции, нежели как церковному исповеданию. Рассматривая творчество писателя в качестве мощнейшего фактора общественной жизни России, они подчеркивали, что он адекватно, во всей остроте, ставил вопрос о значении христианства для современной жизни, но не находил на него положительного ответа.

Отдельный интерес представляет вопрос, какое значение имеют религиозные идеи и построения Л. Н. Толстого для западного христианства.

Идеи писателя оказали большое влияние на протестантскую мысль XX века. Не случайно М. Дерне называет Л. Н. Толстого одним из столпов «новой ориентации евангелической теологии» (наряду с Ф. М. Достоевским, С. Киркегором и К. Блюмхардтом) ⁴⁷. Авторитет Л. Н. Толстого в протестантской среде зиждется не столько на его богословских и экзегетических спекуляциях, сколько на том «пра-христианском» пафосе, который открывают исследователи в творениях писателя. «Богословие» Толстого оказалось чрезвычайно созвучно общему сдвигу в социальную сферу, который характерен для протестантской мысли XX века. Именно поэтому В. Нигг называет Л. Н. Толстого «великим первооткрывателем Нагорной проповеди в Новое время», а его непротивление злу, с точки зрения В. Нигга, есть в действительности «попадание» в самую сердцевину Евангелия ⁴⁸. При этом исследователи подчеркивают тот факт, что Л. Н. Толстой в целом воспринимал результаты и гипотезы библеистов XIX в. достаточно произвольно и выборочно, обходясь с ними с позиций дилетантского критицизма и по необходимости модифицируя в нужном для себя направлении ⁴⁹.

В контексте проблемы восприятия религиозной проповеди Л. Н. Толстого следует обратить внимание на процесс «сакрализации литературы», который в России имеет особую окраску. Именно в этом заключается совершенно особое значение творчества русских писателей, в первую очередь Л. Н. Толстого и Ф. Достоевского, в жизни образованного русского общества: для этого общества литература становится символом религиозно - моральной ответственности, осмысления фундаментальных вопросов человеческой жизни, понимание и видение «последней смысловой позиции личности» ⁵⁰. С этой точки зрения действительно русская классика является совершенно особой «формой выражения и постижения духовно – нравственных ценностей жизни нации» ⁵¹.

Таким образом, в диссертации отмечается, что представления Л. Н. Толстого о Личности Христа, Его учении и Царстве, которое находится в религиозно - философских трактатах писателя, возникли не спонтанно и явилась своеобразным итогом поисков его современников.

⁴⁶ Сухова Н. Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX века. М., 2009. С. 575 и далее.

⁴⁷ Dörne M. Tolstoj und Dostojewskij. Zwei christliche Utopien. Vandenhoeck – Ruprecht in Goettingen. [1969]. S. 7.

⁴⁸ Nigg W. Das Buch der Ketzer. Frankfurt/Main. Wien. Zürich. 1962. S. 430, 433.

⁴⁹ Philipp F.-H. Tolstoj und der Protestantismus (= Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 2). Giessen. 1959. S. 57; Dörne M. Dörne M. Tolstoj und Dostojewskij. Zwei christliche Utopien. Vandenhoeck – Ruprecht in Goettingen. [1969]. S. 68; Redston D. Tolstoy and the Greek Gospel // Journal of Russian Studies 54 (1988). P. 27.

⁵⁰ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных исследований // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 313.

⁵¹ Гулин А. В. Л. Н. Толстой: Духовный идеал и художественное творчество (1850-1870-е годы). Специальность 10.01.01 – русская литература. Автореферат дис. ...д.филолог.н. М., 2004. С. 4.

Появление религиозных произведений писателя ознаменовало новый этап в развитии русской мысли, связанный органически с соответствующими процессами в Европе. Рождается «новое христианство», в котором отсутствуют элементы мистики и догматики, а акцент в первую очередь ставится на моральных, а также социальных чертах. Происходит своеобразный социально-антропологический сдвиг: в центре религии теперь стоит не Богочеловек, а человекобог, призванный к ангелоподобной красоте и нравственному совершенству. Так в очередной раз в человеческой истории возрождается ересь «антропологического оптимизма», т.е. такого понимания человеческой природы, для которого характерно отрицание какой-либо власти греха над человеком и утверждение принципиальной возможности личного и социального прогресса без Божественной помощи.

Третий параграф второй главы «Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский: «Христос и истина» посвящен сравнительному анализу религиозных взглядов двух русских писателей.

Как отмечает В. В. Розанов, голос «двуединого Иова» (т.е. Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского) зазвучал в противоречии всему, чего хотело в конце 1870-х годов русское общество: в разгар увлечения внешними преобразованиями, в момент преобладания западнических настроений и напряженного ожидания соответствующих перемен, в момент отрицания «всего внутреннего, религиозного, мистического», писатели отвергли саму необходимость внешнего и обратились именно к внутреннему. Именно благодаря духовным поискам Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского материалистическая, позитивистская парадигма мышления в 60 – 70 –е годы XIX века перестает рассматриваться в качестве безальтернативной: «общество, сперва удивленное и негодующее, но и очарованное их словом, вначале поодиночке и потом массами, точно поволоклось ими в противоположную сторону, чем куда шло; в жизни его совершился перелом, и мы стоим теперь на совершенно иных путях, нежели те, на которых мы стояли еще так недавно»⁵².

Появление «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского и народных рассказов Л. Н. Толстого – знамение времени. В этом виден настойчивый поиск формы, это попытка построения диалога, за которой стоит, по выражению С. Г. Бочарова, борьба за души «молодых русских читателей»⁵³. Эта новая форма должна быть адекватна секулярному сознанию: Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский уловили, почувствовали важные тенденции своей среды и обратились к ней на понятном языке, обратились к людям, которые, по мысли В. С. Соловьева, не читали Библии и забыли катехизис.

Таким образом, оба писателя решали важнейший, принципиальный вопрос: о месте Православия и христианства в современной жизни, в жизни человечества в конце XIX века, о его соотношении с культурой и современным научным знанием. Именно Православие стало для обоих отправной точкой для решения вопроса о путях преодоления религиозного кризиса. Важно отчетливо понимать, что религиозная проблематика воспринималась обоими авторами в очень сложном и широком культурном контексте – это поиски Бога и веры на «перекрестке человеческой свободы», т.е. попытка понять, как в Божественном замысле о человеке могут сочетаться природная свобода человека и эмпирическая его неволя, рабство, причем это рабство может распространяться и на себя, и на других⁵⁴? В конечном итоге здесь угадывается антиномия «личности» и «среды», проблема степени власти зла, в том числе и социального, над человеческой душой.

Однако в подходе к религиозной проблематике двух великих русских писателей существовала принципиальная разница. В деле спасения Христос изначально не нужен Л. Н. Толстому, т.к., с его точки зрения, человеческая природа не нуждается в исправлении. Именно поэтому в творчестве Л. Н. Толстого происходит трансформация образа Христа: от великого пророка до одного из великих учителей морали.

⁵² Розанов В. В. О легенде «Великий инквизитор» // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Составление, предисловие, иллюстрации Ю. Сильвестрова. М., 1991. С. 105.

⁵³ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 349.

⁵⁴ Флоровский Г., прот. Три учителя. Искание религии в русской литературе девятнадцатого века // Вестник русского студенческого христианского движения. 1973. № 108 – 110. С. 110.

Совершенно по-иному смотрит на Личность Христа Ф. М. Достоевский. Вся жизнь для него было характерно постоянное стремление ко Христу, на котором строится мировоззрение писателя и его творчество. Писатель подчеркивает, что «главное образ Христа, из которого исходит всякое учение» (ДПСС. Т. 11. С. 192). *Образ Христа* — вот проблема, которая является одной из центральных для творчества Ф. М. Достоевского и которая почти не существовала для Л. Н. Толстого.

Вся жизнь Ф. М. Достоевского проходит в размышлениях над вопросом, который был так актуален и для Л. Н. Толстого: «возможно ли верить?», «возможно ли серьезно и вправду верить?», «можно ли верить, быв цивилизованным, т.е. европейцем? – т.е. верить безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в этом и состоит)», наконец, «можно ли верить во все то, во что православие велит верить?» (ДПСС. Т. 11. С. 178 – 179). Заметим, что этот вопрос практически дословно присутствует в работах Л. Н. Толстого – в «Исповеди», в работе «В чем моя вера?» и др. В одном из своих писем Ф. М. Достоевский говорит, что самый главный для него вопрос – как заставить интеллигенцию согласиться с христианством: «Попробуйте заговорить: или съедят, или сочтут за изменника» (ДПСС. Т. 30. I. С. 236).

Для Л. Н. Толстого уже к началу 80-х годов XIX века эти вопросы были решены радикально раз и навсегда: мир «отбросил Церковь» и «живет без нее», причем, по мнению писателя, этот процесс более интенсивно развивается в России и в этом ее преимущество перед Европой: «В наше время только человек совершенно невежественный или совершенно равнодушный к вопросам жизни, освящаемым религией, может оставаться в церковной вере» (ПСС. Т. 28. С. 65).

В диссертации отмечается особый контраст восприятия писателями Православия. Религиозные пути Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского – «две совершенно разные религии, два разных чувства мира, два ощущения зла и добра в мире и человеке. Одна есть религия живого Христа – Спасителя, в котором «обитает вся полнота Божества телесно», другая есть учение, отделенное от своего живого источника, превращенное в доктрину и навьюченное, как долг, на слабые плечи человека. Здесь существует глубокая противоположность, и притом до конца осознанная»⁵⁵.

Однако, отмечая этот «полюс отталкивания», следует в то же время обратить внимание и на «полюс притяжения»: говоря о указанной противоположности, следует иметь в виду, что у двух писателей были точки сближения и соприкосновения, из которых принципиально важной является моральная проповедь и мечта о царстве разума (любви), которое рассматривается ими в контексте христианской утопии. В этом смысле крайне характерно и особенно ценно признание, сделанное однажды А. А. Ахматовой: «Мы, модернисты [...] ошибались, противопоставляя их [Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского – свящ. Г. Ореханов] друг другу. В действительности они похожи и делали одно дело, только один внутри церковной ограды, другой вовне [...] Оба они – великие учителя морали и оба пеклись об одном»⁵⁶.

Именно в этом контексте в диссертации анализируется опубликованная в 1882 г. К.Н.Леонтьевым работа «Наши новые христиане, Ф.М.Достоевский и гр. Лев Толстой». В работе обосновывается тот вывод, что реакция К. Н. Леонтьева на творчество двух великих русских писателей была своеобразной, очень глубокой и важной *прелюдией к рождению русского богословия культуры*: дискуссия, рожденная книгой К. Н. Леонтьева, предваряя религиозно – философские собрания начала XX века, поставила во всей остроте вопрос о том, как сделать христианство влиятельным в жизни, вопрос об отношении Церкви к миру, о путях христианского творчества и культуры.

В диссертации показано, что критика К. Н. Леонтьева, которая, на первый взгляд, относится к Ф. М. Достоевскому, на самом деле в первую очередь направлена против толстовской идей христианской любви и Царства Божьего, учение о котором занимает центральное место в

⁵⁵ С. Н. Булгаков. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л. Н. Толстого «Дьявол» и «Отец Сергий» // Л.Н.Толстой: pro et contra: Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2000. С. 633 - 637.

⁵⁶ Чуковская Е. Ц. Записки об Анне Ахматовой. В 3-х томах. Т. 2. М. 2007. С. 47.

религиозной проповеди Л. Н. Толстого. Фактически под именем «Царства Божьего» в поздних религиозных произведениях Л. Н. Толстого имеется в виду некий «интегральный мотив», состоящий из понятий «разум», «любовь» и «правда». Таким образом, проблема была замечена К. Н. Леонтьевым точно: радикальное противопоставление «страха» и «любви» и безусловный выбор в пользу второй – вот в чем опасность пути, намеченного «новыми христианами». Конечный пункт этой программы – построение Царства Божьего на земле чисто земными средствами. Ибо никак иначе трактовать это призыв Л. Н. Толстого невозможно: нужно только последнее, решительное усилие, усилие разума, воли и любви, нужно однажды понять и осуществить призыв Христа – и тогда это строительство земного царства без Церкви и мистики, догматов и таинств начнется.

Другими словами, К. Н. Леонтьев проницательно заметил проявление общей тенденции в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского – их духовные искания объединяет *этический максимализм*, который реализуется в форме «христианского натурализма», гуманистического варианта христианства без Голгофы и Воскресения, т.е. веры в скрытый потенциал человеческого естества, более того, в подлинное, финальное совершенство человека. Оба автора, при разных жизненных обстоятельствах и в разные моменты своей биографии оказались рядом с гуманистическим христианством, которое К. Н. Леонтьев и назвал «розовым», этим своеобразным эрзацем христианства исторического, мистического. В конечном итоге этот путь уводит от церковности, точнее, от «церковно – исторической магистрали». Предельное выражение в творчестве Ф. М. Достоевского эта тенденция находит в образе Ивана Карамазова, но она получает у писателя своеобразное преодоление чисто художественными методами. У Л. Н. Толстого этический максимализм, реализовавшийся в проповеди, принимает черты антихристианского бунта⁵⁷.

Таким образом, «розовое христианство» всегда исторически перерастает в безрелигиозный гуманизм. Именно поэтому в диссертации рассматривается вопрос, как воспринимали творчество Л. Н. Толстого сами представители безрелигиозного гуманизма.

В обобщенном виде это восприятие было сформулировано в работах известного русского лингвиста и историка литературы Д. Н. Овсянико – Куликовского.

Главный вопрос, который интересует Д. Н. Овсянико – Куликовского, звучит следующим образом: может ли современный человек следовать моралистическим рекомендациям Л. Н. Толстого? Другими словами, как катехизис Толстого соотносится с потребностями «прогрессивного человечества» начала XX века?

Отвечая, Д.Н. Овсянико – Куликовский исходит из того, что главный интерес современного культурного человека связан с категорией «прогресс»⁵⁸. При этом он формулирует следующее примечательное правило безрелигиозного гуманиста: «не поднимать религиозных вопросов без крайней необходимости»⁵⁹. Другими словами, есть ли загробная жизнь, или ее нет, все равно - живи и другим давай жить, - вот простое решение вопроса⁶⁰.

Очевидно, здесь уже проходит принципиальный водораздел с учением Л. Н. Толстого – для Д. Н. Овсянико – Куликовского, как и для либерально-безрелигиозного сознания в целом, главный вопрос писателя, мучивший его всю жизнь, не является актуальным, как и вся религиозная проблематика.

Вторая часть диссертации **«РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ. Л. Н. ТОЛСТОЙ, РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ»** состоит из двух глав.

Третья глава диссертации **«РОЛЬ В. Г. ЧЕРТКОВА В ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО И ПРОПАГАНДЕ ЕГО ИДЕЙ»** состоит из пяти параграфов.

⁵⁷ Зеньковский В., прот. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 222 – 223.

⁵⁸ Овсянико-Куликовский Д.Н. Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб., 1911. С. 148.

⁵⁹ Овсянико – Куликовский Д. Н. Там же. С. 137.

⁶⁰ Овсянико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой. К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания. СПб., 1908. С. 123.

Первый параграф третьей главы носит название **«Биография Черткова до знакомства с Л. Н. Толстым»**.

Россия узнала о «религии Л. Н. Толстого» благодаря беспрецедентной издательской деятельности его ближайшего друга и единомышленника, В. Г. Черткова, причем эта деятельность поистине имела всемирные масштабы. В значительной степени именно благодаря В. Г. Черткову мы знаем Л. Н. Толстого как религиозного мыслителя. С этой точки зрения религиозные взгляды писателя и его ближайшего друга, их отношение к Церкви, образ В. Г. Черткова в представлении окружающих людей стал в диссертации предметом содержательного научного анализа.

В данном разделе работы проанализированы некоторые обстоятельства жизни В. Г. Черткова до октября 1883 г.: краткие биографии родителей, особенности службы в Конногвардейском полку, особенности духовного переворота, приведшего в конечном итоге к встрече с Л. Н. Толстым.

Второй параграф **«Формирование взглядов В. Г. Черткова под влиянием переписки с Л. Н. Толстым. Начало сотрудничества»** посвящен периоду с конца 1883 года, когда В. Г. Чертков впервые посетил хамовнический дом Толстых, до конца 1880-х годов.

В диссертации показано, что в ранней переписке с Л. Н. Толстым находят отражение несогласие с писателем В. Г. Черткова, относящиеся к последовательному неприятию Л. Н. Толстым Богочеловечества Христа. Однако новое знакомство постепенно вело к трансформации взглядов В. Г. Черткова. Уже в письме от 21 июля 1884 г., подвигая Л. Н. Толстого к подготовке специальных изданий для простого народа (что и реализовалось позднее в замысле издания «Посредник»), он указывает на необходимость «...прежде всего очистить учение Христа от всех накопившихся перетолкований, обнаружить русским людям Евангелие, как оно есть, в его простом, прямом смысле»; теперь, считает В. Г. Чертков, нужно сделать так, чтобы Христос был «доступен и понятен массе» (ПСС. Т. 85. С. 89 – 90).

Именно к этому времени, т.е. к середине 1884 г. и началу 1885 г. относятся первые попытки В. Г. Черткова, пока очень скромные, влиять на окончательный текст тех или иных произведений писателя. На этот аспект взаимодействия В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого следует обратить особое внимание. Конечно, чисто технически это воздействие очень сложно проследить и доказать. Но свидетельства такого рода в нашем распоряжении имеются, правда, относятся они к позднему периоду жизни Л. Н. Толстого, однако именно в этот период фактическое право «последнего слова» В. Г. Черткова воспринимается в окружении Л. Н. Толстого как нечто само собой разумеющееся, как непреложный факт жизни Л. Н. Толстого.

В это же время В. Г. Чертковым открывается активная компания по подготовке английских изданий сочинений Толстого, которые невозможно было издать в России по цензурным соображениям.

Таким образом, можно констатировать, что к концу 1880-х годов религиозные взгляды В. Г. Черткова, претерпев значительную трансформацию, превращаются во вполне «толстовские». В этот момент жизни В. Г. Чертков полностью самоопределился: он решает всецело посвятить свою жизнь распространению сочинений Л. Н. Толстого и начинает изыскивать для этого различные возможности.

Третий параграф **«Высылка В. Г. Черткова из России и деятельность в Англии по распространению антиправительственных и антицерковных произведений Л. Н. Толстого»** охватывает период с конца 1880-х по 1906 г.

С 1889 г. В. Г. Чертков приступает к систематическому копированию всего, что написано Л. Н. Толстым.

Кроме того, фактически именно в это время, т.е. к началу 1890-х годов, В. Г. Чертков встает на путь сознательного и агрессивного сопротивления политическому режиму, противником которого он уже давно являлся.

В 1896 – 1897 гг. В. Г. Чертковым и его сотрудниками составляется ряд воззваний в защиту духоборов, в результате чего 31 января 1897 г. русским правительством принимается решение о его высылке.

В Англии осуществляется важный издательский план В. Г. Черткова: начинается издание сборников «Свободное слово», «Листки свободного слова» «Свободная мысль», а также издательская фирма «The Free Age Press» («Издательство Свободного века»), цель которой заключалась в монопольном праве выпуска на английском языке произведений Л. Н. Толстого, а также снабжения переводчиков и издателей других стран подлинными версиями сочинений Л. Н. Толстого.

Общий тираж изданий произведений Л. Н. Толстого и близких ему авторов впечатляет: только в первые три года своего существования издательская фирма В. Черткова опубликовала в общей сложности порядка 400 миллионов страниц английских переводов произведений Л. Н. Толстого, уже вышедших в России; другими словами, даже в эту колоссальную цифру не включены издания тех произведений, который в России опубликованы быть не могли⁶¹.

Несмотря на ярко выраженную антиправительственную и антицерковную деятельность Л. Н. Толстого, несмотря на синодальную констатацию фактического отпадения последнего от Церкви, В. Г. Чертков сохранял свои связи при дворе и умел ими своевременно пользоваться, о чем свидетельствуют, в частности, контакты Л. Н. Толстого с великим князем Н. М. Романовым, а также контакты В. Г. Черткова с Д. Ф. Треповым, московским обер – полицеймейстером (1896 – 1905) и генерал – губернатором (1905).

Наконец, обращают на себя внимание и прослеженные в диссертации связи В. Г. Черткова с представителями социал-демократических кругов.

Таким образом, в диссертации обосновывается то положение, что в конечном итоге в отношениях В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого возникло совершенно неестественное положение. Речь идет о системе тотального контроля над творчеством Л. Н. Толстого и фактически над всей его жизнью.

Четвертый параграф носит название **«Проблема завещания Л. Н. Толстого»**.

История завещания Л. Н. Толстого охватывает период с 21 мая 1883 г., когда жене писателя, С. А. Толстой, выдается нотариально заверенная доверенность в форме письма на руководство всеми издательскими делами Л. Н. Толстого, в том числе на получение всех получаемых в результате издательской деятельности доходов за сочинения, написанные до 1881 г., до лета 1910 г., когда 22 июля 1910 г. в лесу близ деревни Грумонт (Угрюмая) подписывается (при трех свидетелях) тайное завещание, согласно тексту которого наследницей прав на литературную собственность писателя становится его младшая дочь А. Л. Толстая.

В 1922 г. В. Г. Чертков в своей книге утверждал, что завещание было составлено без малейшего участия с его стороны и даже решение это было принято Л. Н. Толстым без его ведома⁶². В диссертации обосновывается тезис о том, что эта версия о происхождении завещания не выдерживает серьезной критики.

31 июля 1910 г. писатель добавляет к тексту завещания специальную записку, которой впоследствии В. Г. Чертков предавал такое большое значение. В ней Л. Н. Толстым было высказано пожелание, чтобы рукописи, в том числе и написанные до 1881 г., не составляли ничьей частной собственности и были переданы В. Г. Черткову для просмотра и безвозмездного издания (в своей публикации 1922 г. В. Г. Чертков заявил, что записка была также составлена не по его инициативе, а по инициативе Л. Н. Толстого).

Таким образом, после подписания тайного завещания формальным владельцем прав на литературную собственность являлась младшая дочь писателя, А. Л. Толстая, а фактическим распорядителем этих прав был В. Г. Чертков.

События 22 – 31 июля 1910 г. знаменовали начало трагического периода жизни Л. Н. Толстого, связанного с тяжелым семейным расколом и уходом (а, точнее, бегством) из Ясной Поляны.

Пятый параграф носит название **«Восприятие личности В. Г. Черткова и его деятельности современниками»**.

⁶¹ Fodor A. A quest for a non-violent Russia: The partnership of Leo Tolstoy and Vladimir Chertkov. Laham, MD: University Press of America, 1989. P. 98.

⁶² Чертков В. Г. Уход Толстого / Ком. Им. Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим. М., 1922. С. 38 - 39.

В диссертации подробно рассмотрена история взаимоотношений А. Л. Толстой и В. Г. Черткова.

В период подготовки завещания Л. Н. Толстого (осень 1909 – лето 1910 гг.) младшая дочь Л. Н. Толстого, А. Л. Толстая, сыграла в этом процессе важную роль, находясь под очевидным влиянием ближайшего друга своего отца, о чем свидетельствуют ее два письма, отправленных из Ясной Поляны В. Г. Черткову⁶³. Эти документы неоспоримо свидетельствуют о том, что В. Г. Черткову была прекрасно известна вся «кухня» подготовки завещания, более того, вся подготовительная работа совершалась под его руководством и все детали с ним согласовывались.

Однако уже весной 1914 г. отношения между А. Л. Толстой и В. Г. Чертковым принимают характер открытой вражды, которая окончательно оформилась уже после революции 1917 г., предположительно осенью 1922 г.⁶⁴

В чем была причина этого разрыва и отлучения, можно догадаться по письму самой А. Л. Н. Толстой от 28 октября, которая прямо спрашивала В. Черткова: «Неужели Вы правда считаете, что я фиктивное, подставное лицо в завещании Л[ьва] Н[иколаевича] и что так и он и Вы *всегда* смотрели на мое участие в завещании? Неужели Вы так думаете? Мне трудно этому поверить»⁶⁵.

В конечном итоге критическую позицию по отношению к В. Г. Черткову занимают и его близкие сотрудники, В. Ф. Булгаков и П. И. Бирюков, указывая в своих воспоминаниях на негативную роль В. Г. Черткова в истории завещания Л. Н. Толстого⁶⁶.

Эта информация также подтверждается свидетельствами дневника М. С. Сухотина, зятя Л. Н. Толстого, мужа его старшей дочери, Т. Л. Толстой. Оценивая значение личности В. Черткова в жизни Л. Н. Толстого в целом, М. С. Сухотин замечает об одном из разговоров с писателем, что рассуждения последнего «страдают именно индивидуализмом, именно пристрастностью, личным, сектантским отношением к Черткову»⁶⁷.

Таким образом, подводя итог этой части работы, мы можем констатировать, что окружавшие В. Г. Черткова и Л. Н. Толстого люди в целом крайне критично отнеслись к роли ближайшего друга писателя и его литературного наследника. Конечно, здесь нужно делать скидку на то обстоятельство, что вообще современники Л. Н. Толстого не могли сочувствовать В. Г. Черткову, учитывая ту роль, которую он сыграл в истории завещания и последних десяти дней жизни писателя. Но в итоге от В. Г. Черткова отвернулись и те люди, которые вполне сочувствовали его деятельности и признавали ее решающий характер в деле распространения сочинений Л. Н. Толстого.

Четвертая глава диссертации **«СИНОДАЛЬНЫЙ АКТ 20-22 ФЕВРАЛЯ 1901 г.: ПРЕДЫСТОРИЯ, ИСТОРИЯ, РЕЦЕПЦИЯ. Л. ТОЛСТОЙ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ»** состоит из четырех параграфов.

Первый параграф носит название **«Правительственная политика по отношению к Л. Н. Толстому. К. П. Победоносцев и Л. Н. Толстой»**.

Религиозные идеи Л. Н. Толстого и вся его деятельность носили акцентированно антигосударственный и антицерковный характер, причем эта тенденция заметно усиливается после того, как В. Г. Чертков становится единственным «имиджмейкером» Л. Н. Толстого в мире и его полномочным представителем по всем издательским вопросам. Таким образом, конфликт между Л. Н. Толстым и властью (церковной и светской) был неизбежен. Этот конфликт предопределялся не только особенностями личности самого писателя и его окружения, но и системой церковно-государственных отношений, в частности, принципами русского законодательства и административной практики, связанными с вопросом о свободе совести.

В восприятии русского образованного общества конца XIX – начала XX века К. П. Победоносцев и Л. Н. Толстой были антиподами. Л. Н. Толстой – совесть своего поколения, борец

⁶³ ОР ГМТ. Ф. 60. Инв. № - 62 440 Б, 62 441Б.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 73. Письма В. Г. Черткова А. Л. Толстой [1913 - 1921]. Л. 47.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2693. Письма А. Л. Толстой В. Г. Черткову [1920 - 1927]. Л. 9.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2. Дневник П. И. Бирюкова (1891 – 1926). Л. 42 об.

⁶⁷ Сухотин М. С. Лев Толстой // Литературное наследство. Т. 69. АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2. С. 201.

за правду, защитник обиженных. Наоборот, для своего поколения К.П.Победоносцев является воплощением абсолютного зла, которое ассоциируется с политическим произволом. Именно поэтому после отлучения писателя в 1901 г. в глазах этого общества он сразу стал и главным виновником, и главным творцом этого акта и объектом едких сатирических нападок.

Уже в 1882 г., как следует из письма К. П. Победоносцева министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, обер-прокурору было хорошо известно о произошедших изменениях в мировоззрении Л. Н. Толстого⁶⁸.

В начале 90-х годов конфликт Церкви и власти с Л. Н. Толстым обостряется, фактически здесь приходится говорить уже о подготовке отлучения писателя от Церкви. Однако приходится констатировать, что К. П. Победоносцев прекрасно понимал, насколько труден вопрос о возможных прещениях со стороны власти по адресу Л. Н. Толстого. По случаю публикации писателем упомянутой статьи о голоде он писал в 1892 г. тогдашнему редактору «Московских ведомостей» С. А. Петровскому: «Что делать с Толстым? Ведь это вопрос очень мудреный: ныне нет прежней пружины николаевских времен и надо соображать пропорцию времени»⁶⁹.

Ситуация существенно меняется после высылки в 1897 г. В. Г. Черткова из России, которую Л. Н. Толстой воспринял с большой обидой, почувствовав себя лично оскорбленным, а также после издания в 1899 г. романа «Воскресение». В. Г. Чертков, находясь в Англии, предпринял беспрецедентные усилия по изданию этого произведения на нескольких языках. Итог такой организации издания романа подвела в начале января 1900 г. газета «Россия», которая сообщала о том, что «роман Л. Н. Толстого читали разом, вместо десятков тысяч, сотни тысяч людей. Он проникал в массы небогатых читателей, до которых нередко вести о выдающихся явлениях литературы доходят из вторых рук»⁷⁰.

Таким образом, в ситуации, когда в печально знаменитых 39 и 40 главах первой части романа «Воскресение» была подвергнута открытому глумлению православная литургия, Церковь молчать уже не могла. Вопрос церковного определения о Л. Н. Толстом стал вопросом времени.

Второй параграф четвертой главы «**Смысл и значение синодального акта 20-22 февраля 1901 г.**» посвящен анализу процесса подготовки и содержания этого важнейшего документа.

Представляется вероятным, что вопрос об отлучении Л. Н. Толстого мог быть поставлен только после смерти императора Александра III, который называл писателя не иначе как «мой Толстой» и постоянно просил его «не трогать», чтобы не сделать из него мученика⁷¹. К тому же следует учитывать, что его супруга, императрица Мария Федоровна, была покровительницей семьи Чертковых, мать которого, Е. И. Черткова, находилась к ней в очень близких отношениях.

Этот мотив был очень хорошо понятен современникам. В 1890 г. в письме Т. И. Филиппову из Оптиной пустыни К. Н. Леонтьев указывает, что ссылка Л. Н. Толстого имела бы совершенно отрицательные последствия, т.к. сохранила бы от его влияния «десяток мужиков», но привлекла бы к нему «сотни образованных юношей»⁷².

Очень характерна в этом отношении ремарка А. В. Богданович по поводу толстовской статьи о голоде 1892 г., которая сначала вызвала гнев императора, но в итоге снова не имела для писателя никаких последствий – автор дневника отмечает: «видно, что с Толстым очень церемонятся»⁷³.

Однако вот что характерно: первое (естественно, заграничное) полное издание на русском языке романа «Воскресение» появилось в Англии к концу 1899 г. и затем было неоднократно повторено, а

⁶⁸ Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12. М., 1948. С. 208.

⁶⁹ «Крамольная» статья Льва Толстого // Наше наследие. 1988. № 3. С. 111.

⁷⁰ Ломунов К. Н. Лев Толстой о романе «Воскресение» // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование. М., 1991. С. 11.

⁷¹ Переписка Л.Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857 – 1903 СПб., Издание Общества Толстовского музея. Т.1. 1911. С. 57, 60. По всей видимости, первое повеление «не трогать» писателя и не делать из него мученика было дано в 1886 г. – см.: Захарьин (Якунин) И. Графиня А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания // Вестник Европы. 1905. Апрель. С. 618.

⁷² К. Н. Леонтьев. Из эпистолярного наследия. Письмо к Т. И. Филиппову / Публикация и примечания Г. М. Кремнева // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 124.

⁷³ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 165.

синодальный акт о Л. Н. Толстом был издан более чем через год. Очевидно, первенствующий член Св. Синода престарелый митр. Иоанникий (Руднев) не нашел в себе решимости совершить подобный открытый демарш, понимая, что он вызовет общественный скандал. Однако и он вынужден был в марте 1900 г., во время тяжелой болезни Л. Н. Толстого, издать секретный циркуляр о невозможности церковного погребения писателя и его заупокойного поминовения по церковному чину.

Анализ документов, рассмотренных в диссертации, позволяет сделать вывод, что церковная власть проявила максимальные усилия, чтобы избежать скандала и общественного возмущения; именно поэтому, в частности, выражения «анафема» и «отлучение» в окончательном варианте синодального определения были заменены на более нейтральный, но менее определенный термин «отторжение». С другой стороны, синодальный акт 1901 г. совершенно однозначен по своим церковно – каноническим последствиям: он недвусмысленно удостоверяет, что *без покаяния* для Л. Н. Толстого *невозможны будут* ни христианское погребение, ни заупокойная молитва (не говоря уже о евхаристическом общении).

Кроме того, проанализированное в диссертации письмо К. П. Победоносцева императору Николаю II свидетельствует, что последнему было хорошо известно о планах Св. Синода, связанных с изданием документа против Л. Н. Толстого, но он не был ознакомлен с окончательной редакцией этого документа, что и вызвало его гнев в адрес обер-прокурора и иерархов⁷⁴.

Долгое время и в советской, и в западной историографии было принято считать, что отлучение Л. Н. Толстого от Церкви было спланированной акцией, которая было подготовлена совместными усилиями государственных органов и Св. Синода⁷⁵. В диссертации показано, что эта точка зрения является ошибочной: по отношению к Л. Н. Толстому единодушие у светской и церковной власти не было, позиция второй была всегда жестче, в этом легко убедиться, анализируя не только обстоятельства появления синодального определения 20-22 февраля, но и ряд других эпизодов его жизни. Реально синодальное определение 20-22 февраля 1901 г. было именно церковным ответом на деятельность писателя, самым мужественным словом Церкви за весь синодальный период ее существования, а что касается правительства, оно в целом этому шагу не сочувствовало.

К. П. Победоносцев, не являясь принципиальным противником государственных мер прещения против Л. Н. Толстого, был противником отлучения в 1901 г. и крайне скептически относился к его возможным результатам, считая этот акт уже несвоевременным и способным только вызвать большое раздражение в русском обществе. Кроме упомянутых воспоминаний В. М. Скворцова, в диссертации рассмотрено большое количество свидетельств, подтверждающих эту точку зрения⁷⁶.

Третий параграф четвертой главы «**Л. Н. Толстой и русское духовенство**» посвящен анализу отношений писателя с отдельными священнослужителями.

Очевидно, православные архиереи и священники не могли сочувствовать основному антицерковному пафосу произведений Л. Н. Толстого, который явно выражен еще в «Исповеди», но свою окончательную разработку, причем в очень агрессивном варианте, получил после издания синодального акта 20-22 февраля 1901 г.

Безусловно, самым грозным обличителем Л. Н. Толстого был св. прав. Иоанн Кронштадтский. В записях отца Иоанна, который занимал совершенно бескомпромиссную позицию по отношению к писателю, констатируется тот факт, что чуть ли не вся образованная Россия в конфликте писателя с Церковью поддерживает Л. Н. Толстого, а не Церковь⁷⁷.

⁷⁴ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925 – 1926. Т. 2. Приложение. С. 328.

⁷⁵ К сожалению, оно разделялось даже такими авторитетными на Западе исследователями, как К. Геде - см.: Gaede K. Das Schriftverständnis Lev Tolstois und Fragen seines gesellschaftlichen Bezuges. Theol. Dissertation HU Berlin 1974. Thesen zur Dissertation (рукопись). S. 4. (Die These 11).

⁷⁶ Толстая С.А. Моя жизнь / Предисловие В. И. Прудоминского. Подготовка текста, публикация и примечания О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой // Октябрь. 1998, №9. С. 164; Об отлучении Льва Толстого: по материалам семейной переписки / Предисл., публ. и примеч. Л. В. Гладковой // Октябрь. 1993. № 9. С. 186; Розанов В. В. Толстой в литературе // Розанов В. В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 469.

⁷⁷ Иоанн Кронштадтский. Христианская философия: Избранные работы. М., 2004. С. 406 - 407.

Представляется, что своего апогея противостояние св. прав. Иоанна Кронштадтского и Л. Н. Толстого достигает в вопросе о Евхаристии.

В работе показано, что некоторые архиереи и священнослужители пытались вступить в контакт с Л. Н. Толстым и каким-то образом повлиять на его отношение к Церкви. Самый показательный пример такого рода – встречи писателя с Тульским архиепископом Парфением (Левицким) и священником Тульской тюремной церкви прот. Д. Троицким, переписка с священником села Мелешково Подольской губернии Стефаном Козубовским и некоторыми другими священниками.

Можно выделить группу священнослужителей, которые высказывали явное или тайное сочувствие идеям Л. Н. Толстого. В первую очередь здесь речь должна идти о свящ. Г. Петрове, за свои политические взгляды и неповиновение церковному начальству лишенном сана в 1908 г. и уже после этого побывавшем в Ясной Поляне⁷⁸, а также свящ. П. Правдине, отправившем 30 марта 1901 г. письмо митр. Антонию (Вадковскому) с выражением своего личного несогласия с синодальным актом 20-22 февраля 1901 г.⁷⁹. В работе рассмотрены и два совершенно исключительных примера. Это трагическая судьба священника А. Аполлова, на почве увлечения идеями Л. Н. Толстого в 1892 г. снявшего с себя сан, но впоследствии раскаявшегося в своем решении (ПСС. Т. 86. С. 239 – 240; Т. 87. С. 198), а также афонского схимонаха Ксенофонта, в миру К. А. Вяземского, квалифицировавшего синодальное определение как «клеветническое незаконное отлучение»⁸⁰.

Наконец, в диссертации рассмотрена история «отпевания» Л. Н. Толстого, совершенного 12 декабря 1912 г., по инициативе жены писателя, С. А. Толстой, священником села Иваново Перяславского уезда Полтавской губернии Г. Калиновским.

Проанализированные в диссертации материалы позволяют сделать два вывода. Во-первых, синодальное определение 1901 г. было не результатом сепаратной деятельности группы архиереев, оно было принято Церковью. Хотя отдельные ее члены и могли говорить о несвоевременности этого определения или критиковать те или иные его стороны, в целом Церковь приняла главную мысль документа: констатацию того факта, что всемирно известный писатель Л. Н. Толстой членом Церкви больше не является.

Кроме того, церковно – историческая наука не располагает какими – либо убедительными сведениями о том, что Л. Н. Толстой в последние десять лет своей жизни изменил свое отношение к Русской Православной Церкви.

Четвертый параграф **«Уход и смерть Л. Н. Толстого и Русская Православная Церковь»** посвящен обстоятельствам последних десяти дней жизни Л. Н. Толстого.

Вопрос об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны имеет принципиальное значение для анализа его конфликта с Церковью. Если антицерковная проповедь писателя была значимым явлением русской жизни, если не менее важным событием было слово Церкви о Толстом, прозвучавшее в феврале 1901 г., то можно только предполагать, какой общественный резонанс имело бы воссоединение писателя с Церковью. Совершенно справедливо В. Ф. Ходасевич подчеркивает, что это гипотетическое событие «прошло бы далеко не бесследно, не только для него самого, но и для всей России, для всей ее религиозной, умственной, а может быть, и политической жизни»⁸¹.

Врач писателя, Д.П.Маковицкий, указывает, что, уходя из Ясной Поляны, Л.Н.Толстой заранее решил ехать в Оптину и Шамордино, по дороге в вагоне и у ямщика спрашивал, какие старцы есть в Оптиной и заявил Маковицкому, что пойдет к ним⁸². Однако этому плану, как известно, не суждено было осуществиться. В связи с этим в диссертации отдельно

⁷⁸ Русское слово. 1908. № 62.

⁷⁹ Ореханов Г., свящ. К вопросу об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви. Из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. 1901 г. // Исторический архив. 2005. № 3.

⁸⁰ Зайцева Н. В. Проповедь толстовства на Афоне. По письмам схимонаха Ксенофонта (в миру К. А. Вяземского) к Л. Н. Толстому (рукопись). С. 1. (В настоящий момент публикация Н. В. Зайцевой готовится к печати).

⁸¹ Ходасевич В. Ф. Уход Толстого // Ходасевич В. Ф. Книги и люди. Этюды о русской литературе. М., 2002. С. 251.

⁸² У Толстого. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. С. 397, 403.

рассматривается вопрос, насколько был вероятен обмен телеграммами между больным Л. Н. Толстым, находившимся уже в, и оптинским старцем преп. Иосифом (Литовкиным). В диссертации делается вывод, что преп. Иосиф, несмотря на свое желание приехать в Астапово к умирающему Л. Н. Толстому, был введен в заблуждение ближайшим окружением писателя⁸³.

В работе показано, что В. Г. Чертков и его помощники установили в Астапово строжайший надзор за Толстым. Безусловно, на этих людях лежит основная доля ответственности за то, что к одру умирающего не был допущен православный священнослужитель, что телеграммы, посланные Толстому представителями Церкви, остались неизвестными писателю. Аргумент, что эти встречи и телеграммы могли ухудшить состояние писателя, выглядит при этом крайне неубедительно⁸⁴.

Прибывший в Астапово оптинский старец Варсонофий, оказавшись в очень тяжелых условиях, совершает беспрецедентные попытки попасть к умирающему Толстому. Важно отметить, что старец Варсонофий был наделен чрезвычайными полномочиями: он имел с собой Святые Дары и в случае покаяния писателя, которое могло бы выразиться даже одним словом «каюсь» и означало бы для старца отказ Толстого от своего лжеучения, он приобщил бы умирающего⁸⁵.

Картина происходившего в Астапово существенно дополняется материалами воспоминаний чиновника особых поручений, в 1910 г. - вице-директора Департамента полиции Н. П. Харламова, направленного по распоряжению председателя Совета министров П. А. Столыпина на станцию для координации действий власти, а также оказания содействия духовным лицам в их сложной миссии. При этом Столыпин подчеркивал крайнюю озабоченность правительства вопросом о снятии отлучения с писателя императора Николая II.

Таким образом, всем церковным и государственным инициативам по примирению Л. Н. Толстого с Церковью так и не суждено было осуществиться. Создававшаяся вокруг писателя в течение многих лет В. Г. Чертковым и его окружением «полоса отчуждения» стала причиной последней, предсмертной трагедии жизни Л. Н. Толстого.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги и формулируются общие выводы работы, выносимые на защиту.

Основные выводы диссертации, выносимые на защиту.

1. В работе показано, что религиозный переворот Л. Н. Толстого протекал на фоне духовного кризиса жизни русского общества, для которого характерен поиск, обусловленный секуляризационными явлениями, в частности, падением авторитета Православной Церкви. Кризис веры в России во второй половине XIX века был связан с подобным же явлением в Европе. Однако он имел и свои особенности, главной из которых стал не социальный протест, вылившийся во многих европейских государствах в появление конфессионально ориентированных политических партий, а поиск новых типов духовности, стремление выйти за жесткие рамки «государственной церковности». Именно на этот аспект обращают внимание в своих работах представители славянофильства (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.). Таким образом, русский религиозный кризис имел свои характерные особенности: для него совершенно не характерна какая-либо социально-политическая окраска. Кроме того, на протяжении всего синодального периода в социальной жизни и тем более в политике русскому духовенству отводилась второстепенная роль. Именно поэтому движущие механизмы русского религиозного кризиса были иными, нежели в Европе и, применительно к русской ситуации, следует говорить, не о *политическом и социальном, а о культурном антиклерикализме*.

⁸³ ОР ГМТ. Ф. 1. № – 14 994. Листы дела не нумерованы.

⁸⁴ Для подтверждения этого вывода достаточно рассмотреть текст телеграммы Л. Н. Толстому первенствующего члена Св. Синода, митр. Антония (Вадковского): «С самого первого момента Вашего разрыва с Церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы Господь возвратил Вас к Церкви. Быть может, Он скоро позовет Вас на суд свой, и я Вас больного теперь умоляю, примиритесь с Церковью и православным русским народом. Благослови и храни Вас Господь» - Смерть Толстого. По новым материалам. М., 1929. Телеграмма № 170. С. 70.

⁸⁵ ОР ГМТ. Ф. 1. № - 39675. Л. 10об – 11.

2. Религиозный поиск Л. Н. Толстого является своеобразной квинтэссенцией маргинальных религиозных поисков эпохи, отражением особого способа религиозной самоидентификации личности, характеризующегося стремлением к жесткой оппозиционной маргинализации по отношению к Православной Церкви. Мировоззрение Л. Н. Толстого одновременно является религиозным и антицерковным в собственном смысле этого слова, вся его мощь, весь его художественный талант направлены на борьбу как с исторической Церковью, так и с самой идеей церковности во всех ее проявлениях. С этой точки зрения религиозно – философское творчество Л. Н. Толстого и его общественная деятельность являются апофеозом противцерковного выступления в России перед грозными испытаниями русских революций.

3. Русский религиозный кризис был культурно – историческим фоном жизни Л. Н. Толстого. Важными субъективными факторами, обусловившими генезис его религиозной проповеди, стали увлечение идеями Просвещения, панморализм, гиперрационализм. Вся религиозная жизнь Л. Н. Толстого проходила под знаком стремления, в рамках руссоистской дихотомии «Природа – Цивилизация», очистить христианскую религию от «исторических наслоений», дать людям вечное Евангелие, «первоевангелие». Л. Н. Толстой ярко отразил в своем религиозном творчестве тенденции в «реформировании» евангельского благовестия, которые характерны для европейской культуры XIX века. Следует констатировать, что стремясь к возрождению Евангелия, Л. Н. Толстой реально в значительной степени способствовал вульгаризации его понимания и смысла, созданию упрощенного учения, имеющего ярко выраженную морализаторскую окраску и хилиастически - прагматическую направленность – созидание Царства Божьего на земле совокупными усилиями многих человеческих поколений. Таким образом, можно констатировать, что в религиозном творчестве Л. Н. Толстого произошла показательная трансформация: стремясь судить мир по закону Евангелия, писатель на самом деле делает мир судьей евангельских заповедей и христианского учения. Именно поэтому религиозные поиски Л. Н. Толстого были отвергнуты русской богословской наукой, а также католическими авторами.

4. Большой интерес к религиозному творчеству Л. Н. Толстого проявило протестантское богословие. Угадывая в трактатах писателя, созданных после религиозного переворота, внутренне сходные для себя тенденции, протестантские авторы в первую очередь подчеркивали социальную составляющую этой проповеди, стремление писателя дать не столько буквальный перевод евангельского текста, сколько перевести его на язык современности, секулярного мира, актуализировать не мистический, а моральный и социальный пафос Евангелия, а также выраженный антицерковный протест. Некоторые авторы, например, В. Нигг, довели эту тенденцию до вывода о том, что именно Л. Н. Толстой уловил главную тенденцию религиозной культуры нового времени: для образованного человека XIX века возвращение в Церковь уже невозможно. Характерно, однако, что при этом методы толстовского перевода Евангелия были признаны неактуальными и протестантами.

5. Но на пути религиозных поисков Л. Н. Толстой потерпел личную неудачу: представляется, что в конце жизни писатель сам осознал парадоксальность своего религиозного опыта - его последние дневники наполнены противоречивыми суждениями и фактически содержат признание самому себе в отсутствии какого-либо позитива, а возврат к Церкви был уже для писателя крайне сложен. Эта раздвоенность характерна для последних лет жизни писателя, по этой причине для его окружения предсмертная поездка в Оптину пустынь была так неожиданна: было трудно совместить постоянное подчеркивание своего расхождения с церковным учением – и стремление к оптинским старцам. Именно поэтому В. Г. Чертков создает плотное кольцо вокруг писателя – ближайший друг Л. Н. Толстого был совершенно не уверен в его стойкости и последовательности.

6. Восприятие религиозной проповеди современниками было существенно связано с их отношением к Церкви. «Этно-социальное» понимание Церкви привело к восприятию синодального акта 20-22 февраля 1901 г. как отторжение писателя от «национальной общности», единства и нравственного величия русского народа. Символом русской культуры для многих русских людей стала не Церковь, а Л. Н. Толстой. В своих религиозных трактатах Л. Н. Толстой затрагивал одну из важнейших проблем эпохи – вопрос об отношении образованного и культурного человека второй половины XIX века к Церкви, вопрос о роли Церкви и христианского учения в целом в жизни

человека, когда определяющим фактором культурного развития является вера в социальный, научный, культурный, технологический прогресс. Это означает, что восприятие или отвержение проповеди писателя существенно зависело от того, к какой группе принадлежали его читатели: были ли они православными и церковными христианами, или относились к различным либерально-революционным группам, враждебно настроенным к Православию и исповедующим идеологию антиклерикализма, или речь идет о тех представителях интеллигенции, которые проявляли полный религиозный релятивизм и индифферентизм. Таким образом, в восприятии личности, творчества и религиозных идей писателя представителями интеллигенции не было единодушия, потому что не было однородности в самой интеллигенции: сложная структура этой общественной группы породила сложный образ рецепции. Здесь в причудливых сочетаниях присутствовали самые разнообразные мотивы – восхищение талантом, упоение социально – политическим протестом, гордость славой Л. Н. Толстого, гремевшей на весь мир, и в то же время неготовность следовать за писателем в его социальных и моральных поисках.

7. Для *православных читателей* Л. Н. Толстого было в первую очередь неприемлемо полное отрицание писателем мистической стороны христианской жизни и таинств. Среди части *церковных иерархов* и монашествующих были люди, совершенно равнодушные к очарованию литературного таланта Л. Н. Толстого и видевшие в нем только злобного проповедника антицерковных еретических взглядов. Ярким представителем этой группы является владыка Никон (Вологодский). Однако в работе показано, что и в православной среде были значимые авторы, которые пытались более глубоко проанализировать «источки душевной катастрофы» писателя. В первую очередь здесь следует назвать митр. Антония (Вадковского), митр. Антония (Храповицкого) и прот. С. Булгакова. Кроме того, в церковной среде имелись либерально настроенные деятели, в том числе и священнослужители, которые пытались выступить с публичной апологией взглядов Л. Н. Толстого (свящ. Г. Петров, проф. В. Экземплярский) или демонстрировали в личной переписке единомыслие с ним.

8. Систематизация данных по поводу взаимных отношений Л. Н. Толстого и представителей *русской интеллигенции* позволяет утверждать следующее. С одной стороны, позиция писателя в этом вопросе может быть обозначена как крайне критичная: Л. Н. Толстой фактически всю свою жизнь сознательно дистанцировался от этой «общественной» группы, радикализм которой был ему глубоко чужд, и отвергал ее достижения в философской, научной и культурной областях. С другой стороны, в творчестве Л. Н. Толстого в значительной степени нашли отражение ее творческие, социальные, моральные и религиозные поиски. Л. Н. Толстой в первую очередь воспринимался русским образованным читателем как великий художник, достигший в жизни на пути интеллектуального делания грандиозных результатов. Художественный гений писателя рождал чувство восхищения, для многих поколений русских людей Л. Н. Толстой становится символом безграничной мощи иррациональной стихии жизни, творчества и человеческого таланта. Огромное значение имел также социальный аспект проповеди Л. Н. Толстого: чувство вины перед народом, переживание несправедливого владения собственностью и культурой. С этим последним аспектом была связана также идея политического и социального протеста против всех проявлений «режима».

9. Как показывает анализ, проделанный в диссертации, *безрелигиозному либерализму* (яркими представителями которого стали многие ученые и деятели культуры), для которого, как отмечалось выше, пафос и протест Л. Н. Толстого были близки, одновременно стали глубоко чужды финальные выводы моральной проповеди Л. Н. Толстого - практической философией многих русских интеллигентов становится религиозный индифферентизм и моральный релятивизм, которые фактически являются способом оправдания своей собственной греховности: «живи сам и давай жить другим». Секуляризационная программа в области морали, нашедшая свое яркое и в определенном смысле окончательное выражение в работах Д. Н. Овсяннико – Куликовского, знаменовала собой полный идейный крах именно моральной и религиозной проповеди Л. Н. Толстого, который был нужен интеллигенции при жизни как кто угодно, но только не как учитель веры и добра. Для большинства читателей Л. Н. Толстого наибольшую ценность имело то, чем сам писатель дорожил в наименьшей степени, и наоборот: общество осталось совершенно глухо к его самым душевным идеям и призывам.

10. Одной из задач исследования было выявление смысла и значения оппозиции «Л.Н. Толстой – Ф. М. Достоевский» в контексте духовных исканий в русской культуре. Поиски Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского свидетельствуют о переходе представителей образованной части русского общества от увлечения идеями прогресса (политического, экономического, научно – технического и культурного) к религиозной проблематике. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский жили в обществе, которое фактически отвергло вероучительный авторитет Церкви, именно так возникает «поле невостребованных церковных авторов», а светская, художественная литература начинает выполнять заместительную по отношению к церковному учительству роль. Образованные современники Л. Н. Толстого требовали нового, секулярного христианства, и нового, секулярного богословия. Именно эту задачу и выполняют русские писатели и русские религиозные философы. В диссертации показано, что творчество Ф. М. Достоевского является ответом на те же вопросы, которые волновали и Л. Н. Толстого. Ф. М. Достоевский почувствовал ту тенденцию, которая наметилась в учении Толстого: стремление построить христианство и Царство Небесное без Христа, причем почувствовал пророчески – раньше чем другие современники Толстого и даже, может быть, раньше, чем сам Л. Н. Толстой. Это не означает, конечно, что Ф. М. Достоевский целенаправленно критиковал те или иные идеи Л. Н. Толстого: противопоставление этих двух авторов именно с точки зрения содержания религиозной проблематики их творчества возникает позже в восприятии читателей. Истинный смысл оппозиции «Л. Н. Толстой - Ф. М. Достоевский» раскрывается именно в исторической рефлексии.

11. В диссертации установлено, что хотя для Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в их творчестве одним из центральных был вопрос «Христос и истина», решали они его абсолютно по – разному. Утилитарной нравственной доктрине Л. Н. Толстого без христианской мистики в творчестве Ф. М. Достоевского противопоставлена развернутая доктрина, выводы которой радикально расходятся с идеями Л. Н. Толстого – хотя, следует повторить еще раз, до самой смерти Ф. М. Достоевскому были неизвестны (и не могли быть известны) новые взгляды Толстого, сама их мировоззренческая основа была им угадана очень точно. Таким образом, творчество Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого – два совершенно разных, противоположных способа творческого постижения мира, восприятия добра и зла и актуализации христианской проблематики. Не случайно, видимо, то обстоятельство, что именно такую оценку получило «христианство» Л. Н. Толстого у старца Амвросия: ум Л. Н. Толстого был оценен как гордый, лейтмотивом же Пушкинской речи Ф. М. Достоевский становится именно идея смирения – «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость» (ДПСС. Т. 26. С. 139).

12. В то же время рассмотренная в диссертации полемика против «розового христианства», инициатором которой стал К. Н. Леонтьев, демонстрирует, что возвращение к христианскому идеалу, наметившееся в русской культуре в конце 1870 – начале 1880-х годов, требовало существенной церковной коррекции: модели, явившиеся предметом ее обсуждения, не соответствуют в реальности святоотеческому пониманию этого идеала. «Разумное» царство добра и правды Л. Н. Толстого, «всемирная гармония» Ф. М. Достоевского в разной степени несли в себе «отраву» гуманизма, до конца не уврачеванного язычества, столь противного по своим целям и методам христианской аскетике, притом, что именно в творчестве Ф. М. Достоевского присутствует живое чувство Христа, Его абсолютной правды. Заслуга К. Н. Леонтьева перед русской культурой состоит в том, что он с предельной ясностью поставил вопрос о соответствии методов «новых христиан» церковной доктрине спасения. Именно К. Н. Леонтьев предельно остро ставит вопрос методологически: насколько духовные и религиозные поиски его современников соответствуют христианской и церковной традиции, т.е. *христианской, православной норме религиозного сознания*, евангельской и святоотеческой нормативной рамке? Тем не менее приходится констатировать, что и его собственные сотериологические взгляды («трансцендентный эгоизм») нуждались в критическом анализе, который исторически был проделан позднее, в работах русских религиозных философов XX века.

13. Одной из ключевых задач исследования был анализ роли В. Г. Черткова в жизни Л. Н. Толстого. В. Г. Чертков действительно был самым близким Л. Н. Толстому человеком, не только по своим взглядам, но и по преданности идеям писателя и своей готовности находить им практическую реализацию. В. Г. Чертков – своеобразный ключ к пониманию «толстовства», но не Толстого: при

противопоставлении этих двух людей, во все время своей дружбы подчеркивающих духовную близость, сразу бросается в глаза разница в масштабе личности, душевной глубине. Именно В. Г. Черткову принадлежит ключевая роль в трансформации идей Л.Н.Толстого в учение, ставшее мощным инструментом политической и антицерковной борьбы. Деятельность В. Г. Черткова привела к крайней политизации толстовской религиозной программы. В его руках проповедь писателя становится мощнейшим инструментом шантажа власти, в результате чего этическая концепция Л. Н. Толстого постепенно трансформируется в заурядную политическую программу. Однако исследование показало, что не В. Г. Чертков повлиял решительно на Л. Н. Толстого в процессе формирования антицерковной позиции последнего. Только в результате двухлетнего общения с писателем и переписки с ним Чертков отказывается от своих взглядов на Христа, которые он унаследовал от евангеликов. В этом смысле нельзя согласиться с А. Фодором, утверждавшим, что еще до встречи с Толстым у Черткова имелись какие-то определенные планы, связанные с желанием конъюнктурного использования личности писателя и его имени.

14. Со временем В. Г. Чертков установил своеобразную монополию на личность Л. Н. Толстого. Эта монополия распространялась на трансляцию идей Толстого всему читающему миру, издание его произведений, хранение рукописей при жизни писателя и право пользования ими после его смерти. Мощнейший рычаг манипуляции В. Г. Чертков получил после подписания Л. Н. Толстым своего завещания и специальной записки, которая формальную наследницу, А. Л. Толстую, превращала в фиктивного правопреемника, а В. Г. Черткова делала реальным наследником всей интеллектуальной собственности писателя. Версия появления этого завещания, изложенная в поздних произведениях В. Г. Черткова, является сознательным и хорошо продуманным вымыслом. Можно сделать совершенно определенный вывод: задолго до астаповских дней 1910 г. около Л. Н. Толстого существовало плотное кольцо, которое представляло собой хорошо организованную систему слежки.

15. Своей особой ролью В. Г. Чертков воспользовался очень эффективно благодаря связям при русском дворе, в кругах английской аристократии и в среде английских религиозных деятелей, близких к сектантам, а также благодаря достаточно тесным, но до конца еще не проясненным контактам с социал – демократами. Эффект деятельности В. Г. Черткова становится понятен в большей степени «извне», а не «изнутри»: именно благодаря Черткову Л. Н. Толстой становится единственным человеком в России, против которого бессильна вся государственная машина и из всемирно известного писателя превращается во всемирный PR – феномен.

16. Рассматривая историю возникновения синодального акта 20-22 февраля 1901 г. и особенности его восприятия современниками, можно сказать следующее. Л. Н. Толстой был последовательным и убежденным анти - государственным, для него вопрос веротерпимости ни в какой степени не являлся вопросом государственной политики. Именно поэтому его столкновение с государственной системой было неизбежно, как было неизбежно его столкновение с К. П. Победоносцевым, идеологом и творцом, с его точки зрения, этой политики. Тем не менее, в работе показано, что конкретно в 1901 г. К. П. Победоносцев был противником синодального акта против Л. Н. Толстого, считая его несвоевременным и только способным поднять вокруг имени писателя совершенно ненужный шум. С другой стороны, после выхода романа «Воскресение» в необходимости сделать публичное церковное заявление о Л. Н. Толстом и констатировать его фактическое отпадение от Церкви были уверены даже почитатели его писательского таланта.

17. История создания синодального определения от 20-22 февраля 1901 г. позволяет констатировать, что в течение двух лет его «виртуальный текст» был значительно смягчен. Это означает, что *по форме и содержанию* этот документ представляет собой глубоко продуманное и выверенное слово церковной власти «в кротком и примирительном духе» (выражение К. П. Победоносцева из письма императору Николаю II), в задачу которой входило не оттолкнуть писателя от Церкви, но дать ему возможность осмыслить последствия разрыва с ней, а также избежать шумного скандала в обществе. Однако *по конкретным последствиям церковно-канонического характера для Л. Н. Толстого* документ представляет собой именно отлучение (по выражению еп. Сергия (Страгородского), «*внешнее подобие отлучения*») – он совершенно недвусмысленно указывает на возможные церковно – канонические результаты упорства писателя в своих взглядах. В

нем провозглашалось, что Л. Н. Толстой не воспринимается больше Церковью как ее член, именно поэтому речь о христианском погребении для писателя не может идти.

18. Таким образом, можно утверждать, что религиозные идеи Л. Н. Толстого были отвергнуты Церковью с трех позиций:

А) С точки зрения верности традиционному церковному пониманию Евангелия методы перевода и интерпретации Евангелия Л. Н. Толстым признать адекватными с научной и христианской точки зрения не представляется возможным. При этом, хотя речь идет именно о позиции Православной Церкви, характерно, что в данном вопросе представители трех главных христианских конфессий проявили единодушие. Правда, следует учитывать оговорку, которую делает протестантское богословие: толстовская интерпретация Евангелия имеет ярко выраженную социальную окраску, с этой точки зрения она стремится соответствовать тому социальному импульсу, который содержится в учении Христа.

Б) С точки зрения церковной догматики идеи Л. Н. Толстого носят выраженный агрессивный антихристианский характер, именно поэтому общецерковное свидетельство об отпадении писателя от Церкви было неизбежно.

В) С церковно – канонической точки зрения, при всей мягкости формулировок, синодальное определение 20-22 февраля 1901 г. недвусмысленно свидетельствовало, что Л. Н. Толстой сам отторгнул себя от церковного общения и поэтому без покаяния не может считаться членом Церкви, хотя это и не исключает молитвы за него. В ситуации, которая сложилась в России после издания за границей полного текста романа «Воскресение», молчание церковной власти означало бы констатацию ее полной беспомощности, а с точки зрения читателей Л. Н. Толстого – молчаливое признание того факта, что произведения писателя являются по своему содержанию и направленности христианскими. Здесь не могло помочь и какое – либо заявление более нейтрального характера, например, декларация представителей богословских школ или отдельных архиереев – на фоне роста популярности писателя такие попытки выглядели бы очень неубедительными. Таким образом, синодальный акт 20-22 февраля 1901 г. был не формальным актом отлучения Л. Н. Толстого от Церкви, такой цели его составители не преследовали, а именно торжественным церковным заявлением, провозглашением, что писатель сам от Церкви отпал и она его больше своим членом не считает. Тем более характерно и показательно, что несмотря на это замечание, в России синодальный акт однозначно был воспринят как отлучение (а на Западе – как экскоммуникация).

19. В работе показано, что общецерковный документ о Л. Н. Толстом мог появиться только при определенных условиях - наличии группы церковных деятелей, готовых подготовить и осуществить эту сложную задачу, а также взять на себя ответственность за нее. Очевидно, престарелый митр. Иоанний (Руднев) не нашел в себе решимости совершить подобный открытый демарш, понимая, что он вызовет общественный скандал. Этот мужественный и продуманный церковный шаг, принятый крайне критично русской либеральной интеллигенцией, но церковно и исторически неизбежный, был осуществлен после того, как пост первенствующего члена Св. Синода 9 июня 1900 г. занял очень популярный в церковной среде и среди молодых академических преподавателей митр. Антоний (Вадковский). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что от этого назначения до издания синодального акта 20-22 февраля 1901 г. прошло всего около девяти месяцев. С большой вероятностью можно предполагать, что активное участие в подготовке этого акта приняли архиеп. Антоний (Храповицкий), ранее много писавший о Л. Н. Толстом, а также архим. Сергей (Страгородский), выступивший с многочисленными разъяснениями по поводу этого документа.

20. Что касается представителей власти, то как показывает анализ материалов дела об издании сочинения писателя «Учение Христа, изложенное для детей», русское правительство в отношении писателя руководствовалось по – прежнему стремлением избегать любого скандала, что в глазах общества часто было свидетельством беспомощности власти. Именно поэтому мнение о том, что отлучение Л. Н. Толстого является сознательным и согласованным действием государственной власти и Церкви, не соответствует исторической действительности: исследование показывает, что синодальное определение 20-22 февраля 1901 г. было сугубо церковным актом, государственная власть в целом была настроена против столь резкого, с ее точки зрения, шага. При этом важно отметить, что позиция императора и правительства (П. А. Столыпин, обер-прокуроры Св. Синода) не

может быть отождествлена с взглядами отдельных представителей мира бюрократии: власть не могла быть солидарна с разрушительной антигосударственной и антицерковной деятельностью писателя, в то время как многие русские чиновники, как показывает их переписка, писателю сочувствовали.

Опубликованные монографии, статьи и иные публикации по теме работы.

Монографии:

1. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.
2. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М., 2009.
3. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: причины конфликта и его восприятие современниками. Книга находится в издательстве ПСТГУ, предположительные сроки выпуска – март 2010 г.
4. Lev Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Universitäten Bern – Freiburg – St. Gallen. Bd. 1-2. 2010 (коллективная монография на нем. языке, в печати; автором диссертации во втором томе написан раздел: «Das Verhältnis der Russischen Orthodoxen Kirche den religiösen Ideen von Tolstoj gegenüber»).

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертации:

1. К вопросу об отлучении Л. Н. Толстого от Церкви. Из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. 1901 г. // Исторический архив. М., 2005. № 3.
2. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков. К истории завещания писателя. 1907-1909 гг. // Исторический архив. 2009. № 4.
3. «Его примирение с Церковью будет праздником светлым для всей Русской земли, всего народа русского...». Письмо митрополита Антония (Вадковского) С. А. Толстой. 11 февраля 1902 г. // Отечественные архивы. 2009. № 4.
4. Некоторые особенности генезиса и восприятия учения Л. Н. Толстого в России // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3.
5. Отлучение или отпадение? Смысл синодального акта о Льве Толстом // Родина. 2009. № 11.
6. Л. Н. Толстой и Православная Церковь: к истории конфликта (новые документы) // Исторический архив. 2009. № 6.
7. В. Г. Чертков и Л. Н. Толстой // Российская история. 2010. № 2.

Другие публикации:

1. Ф. Д. Самарин и его архив // Материалы Богословской конференции ПСТБИ, М., 1997.
2. Обсуждение вопросов “внутренней миссии” на заседаниях Предсоборного Присутствия 1906 года и деятельность Братства Святителей Московских (1909-1916) // Материалы научной конференции «Научно-богословские труды по проблемам православной миссии». Исторический факультет МГУ, М., 1999.
3. Генезис русского церковного реформаторства (1905-1906) // Богословский сборник ПСТБИ. М., 1999. № 4.
4. Витте contra Победоносцев: дискуссия о церковной реформе весной и летом 1905 года // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 11.
5. Последняя исповедь Толстого // URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=1287> [17. 10. 2003].
6. Л. Толстой и Оптина пустынь: один астаповский эпизод // Материалы [XIV] Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ. М. 2004.
7. Один эпизод из жизни Л. Н. Толстого (официальная переписка по поводу сочинения «Учение Христа, изложенное для детей») // Материалы XV Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ. Т. 1. М. 2005.
8. Новые материалы по поводу отлучения Л. Н. Толстого от Церкви // Толстой. Новый век. Ясная Поляна. 2005. № 1.
9. Новые материалы по поводу отлучения Л. Н. Толстого от Церкви // Исторический архив. М., 2005. № 3.

10. Последние дни жизни Л. Н. Толстого // Толстой. Новый век. Ясная Поляна. 2006. № 2.
11. Путь к отлучению (к истории личных отношений К. П. Победоносцева и Л. Н. Толстого) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. Материалы международной юбилейной научной конференции. СПб., 2007.
12. Православие, иудаизм и ислам в Российской империи до и после указа 17 апреля 1905 г. // Новая Европа. 2007. № 19.
13. Ortodossia, giudaismo e islam nell' impero russo prima e dopo il Decreto del 1905 // La nuova Europa. 2007. № 1 (на итал. языке).
14. Вероисповедная политика П. А. Столыпина и Поместный Собор РПЦ 1917-1918 гг. // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избранию Патриарха Тихона». Москва. 19-20 ноября 2007 г. М., 2008.
15. К. П. Победоносцев и Л. Н. Толстой (по материалам личной переписки) // Яснополянский сборник. 2008. Тула. 2008.
16. Последние дни жизни Л. Н. Толстого и Русская Православная Церковь: (нерешенные источниковедческие и историографические проблемы) // Церковь в истории России. Сборник 8. Москва: Институт российской истории РАН, 2009.
17. Л. Н. Толстой и русское духовенство // Материалы XIX ежегодной Богословской конференции ПСТГУ. М. 2010 (в печати).
18. А. Л. Толстая и В. Г. Чертков // Яснополянский сборник. 2010. Тула. 2010 (в печати).
19. Lev Tolstoj e gli autori di Vechi // Материалы международной конференции ««Vechi». Pietri miliari del pensiero religioso russo» Рим, 26 февраля 2009 г., (в печати, на итал. языке).
20. Lev Tolstoj e la crisi della religiosità in Russia // Материалы международной конференции «Lev Tolstoj e la Chiesa del suo tempo», Рим, 14-15 декабря 2009 г. (в печати, на итал. языке).